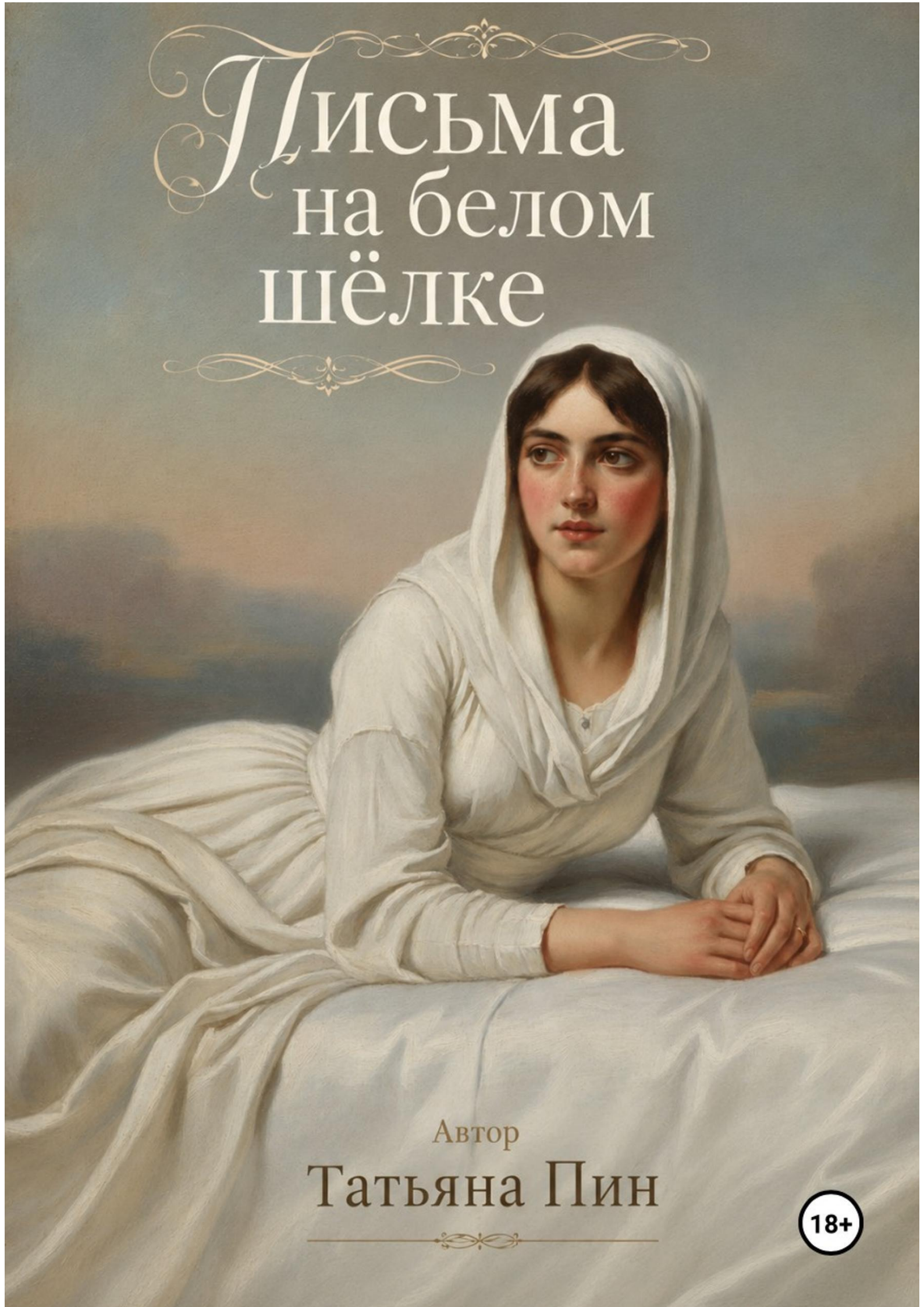

Дисьма на белом шёлке

Автор
Татьяна Пин

18+

Татьяна Пин

Письма на белом шёлке

«Автор»

2026

Пин Т.

Письма на белом шёлке / Т. Пин — «Автор», 2026

После многих лет во Флоренции Габриэль Мерсье, наследник знаменитой винодельческой семьи, возвращается в родной Сент-Клер. Его будущее кажется предрешённым: выгодный брак, честь рода и долг перед семьёй. Но всё меняется, когда он встречает Элоизу Деламар — гувернантку своей младшей сестры. Скромная сирота, воспитанная в монастыре, она не принадлежит к его миру, и именно поэтому становится для него особенно близкой. Между ними рождается чувство, которое они вынуждены скрывать. Тайные встречи, письма и признания становятся их единственным счастьем. Но над их любовью нависает тень: Габриэль уже помолвлен, а его судьба решена задолго до знакомства с Элоизой. Сможет ли он отказаться от долга ради любви? И хватит ли Элоизе сил бороться за мужчину, которому не позволено принадлежать ей?

© Пин Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Пин

Письма на белом шёлке

Глава 1

Элоиза сидела в своей маленькой, но опрятной комнате на втором этаже монастыря. Солнечные лучи мягко ложились на белую ткань, расшитую ею цветами, будто благословляя каждое движение её руки. Воздух был наполнен запахом лаванды и пыли старого дерева. В тишине слышался только тихий скрип иглы да её едва слышный напев — старинная церковная песня, которую она знала с детства.

Сквозь небольшое окно тянулся золотой свет — весенний, живой, полный нежности. Он скользил по полу, касался её каштановых волос и тонкой белой шеи, будто обнимая. На миг ей показалось, что мир за этими стенами исчез — остались только покой, солнце и белая ткань в руках.

Внезапно тишину нарушил лёгкий, но настойчивый стук в дверь. Элоиза вздрогнула, подняла голову.

— Войдите, — произнесла она тихо, чуть дрогнувшим голосом.

Дверь приоткрылась, и на пороге появилась Софи — её подруга, почти сестра. Свет из окна осветил её светлые волосы и ясные голубые глаза. Они знали друг друга с тех пор, как Элоизу, осиротевшую, привезли в монастырь. С тех пор они стали неразлучны — делили хлеб, тайны и детские слёзы.

— Софи, это ты, — с улыбкой сказала Элоиза, откладывая иглу. — Я как раз вышиваю... хочешь присоединиться?

Она подняла нить и ткань, словно предлагая разделить этот тихий миг.

Софи покачала головой, и в её взгляде мелькнуло лёгкое беспокойство.

— Нет, милая, не сейчас. Я встретила аббата по пути в храм — он просил передать, что ждёт тебя в своём кабинете.

Элоиза приподняла брови, удивлённо нахмурилась.

— Аббат? — повторила она.

Сердце дрогнуло. Встречи с настоятелем случались нечасто, и обычно — по особому поводу. Когда-то, в первые месяцы, её уже вызывали за неосторожные слова, за поздние молитвы... Но с тех пор она была примером послушания, трудолюбия и кротости. Почему же сейчас?

Софи, заметив, как побледнело лицо подруги, вошла в комнату и опустилась перед ней на корточки. Луч солнца заиграл в её глазах, превращая их в чистый синий хрусталь.

— Элоиза, не волнуйся, — сказала она мягко. — Я уверена, ничего страшного. Наверное, просто хочет поручить тебе новое дело. Посмотри на себя — ты вся побледнела!

Она хихикнула и, чтобы подбодрить, ласково погладила Элоизу по руке, где всё ещё блестела тонкая игла с серебристой нитью.

Элоиза улыбнулась, хотя сердце всё ещё билось чуть быстрее обычного.

— Брось, Софи, я не ребёнок, — сказала она, выпрямляясь. — Ладно... пойду, раз зовёт. А вечером, на ужин, идём вместе. Не вздумай убежать без меня!

Она шутливо пригрозила пальцем, поднялась со стула и аккуратно положила вышивку на сиденье, будто боялась смять цветы, рождённые её руками. Со стола взяла свой старый коричневый блокнот — без него она не выходила из комнаты, словно он хранил её мысли и тишину.

— До вечера, Софи, — сказала она, тепло улыбнувшись.

И, легко расправив плечи, вышла из комнаты, оставив за собой тонкий запах лаванды и еле слышный отголосок песни, которую всё ещё напевал солнечный свет.

Коридоры монастыря тянулись длинными белыми галереями, пахнувшими холодным камнем и воском. Сквозь арочные окна проникал свет — мягкий, молочный, как дыхание весны. За окнами расстилались поля, где зелень молодой травы колыхалась под ветром, словно море.

Элоиза шла, чуть наклонив голову, и звук её шагов отдавался в тишине приглушённым эхом по клетчатому полу. Каждый шаг казался слишком громким, как будто нарушал покой этого святого места.

Она крепко прижимала к груди свой блокнот — потертый, с обложкой из коричневой кожи. Под пальцами чувствовалась шероховатость страниц, пропитанных чернилами и мыслями. От волнения ладони стали влажными.

Зачем он позвал меня? — мелькало у неё в голове. Может, и правда — новое поручение? Или... я чем-то прогневила его?

Чтобы унять тревогу, Элоиза раскрыла блокнот на ходу. Между страниц лежало перо, уже слегка запачканное чернилами. Её пальцы дрожали, когда она начала быстро писать, будто перо само вытекало из души:

«Аббат Леметр вызвал меня. Зачем? Я не совершала ошибок... или совершала? Господи, дай мне спокойствие, чтобы не бояться света, даже если он ослепит».

Чернила оставляли неровные следы, и в какой-то миг ей показалось, что сердце стучит в такт этим строкам. Она быстро закрыла блокнот, прижала к груди, словно тайну.

Мимо проходили другие сестры — кто нес корзины с хлебом, кто ведра с водой. Они кланялись ей с мягкими улыбками, не замечая, как в её взгляде дрожит тревога.

Наконец она дошла до тяжёлой дубовой двери кабинета настоятеля. На мгновение остановилась, глубоко вдохнула, потом — выдохнула.

Собрала всё своё спокойствие и постучала.

— Прощу, входите, — отозвался знакомый голос изнутри.

Элоиза приоткрыла дверь и осторожно заглянула.

Кабинет был погружён в полумрак, пропитанный запахом старой бумаги, свечного дыма и времени. За массивным столом сидел аббат Леметр — высокий, седовласый мужчина в чёрном одеянии. Его лицо озаряла полоска света, падавшая из окна, и пыль в воздухе танцевала, как крошечные звёзды.

— Отец Леметр, здравствуйте, — произнесла она, низко склонив голову. — Сестра Софи сказала, вы хотели меня видеть.

— Да, проходи, дитя, — мягко ответил он, отрываясь от бумаг. Его голос звучал устало, но с теплом. — Садись.

Она подчинилась, села напротив, положив блокнот себе на колени и, не замечая, как, снова начала его сжимать — так крепко, что побелели пальцы.

Аббат заметил это, слегка улыбнулся:

— Ты тревожишься, сестра Элоиза. Не стоит. Господь послал тебе добрую весть.

Элоиза подняла взгляд — настороженно, с надеждой.

— Нашлась семья, — продолжил он, — достойные люди, желающие взять тебя в дом в качестве гувернантки для их младшей дочери.

— Гувернантки?.. — тихо повторила она, будто боясь поверить.

В груди защемило. Слово «семья» вдруг вызвало целый рой воспоминаний: дом родителей, запах яблочного пирога, звук кашля отца перед сном... и потом — тишина. Безмолвие сиротства, в котором она жила уже столько лет.

Аббат мягко сложил руки на столе, глядя на неё поверх очков.

— Я знаю, ты удивлена. Но это хорошая возможность, дитя. Ты умна, скромна и трудолюбива. Таких, как ты, немного. Семья придёт завтра утром, чтобы познакомиться.

Он помолчал и добавил с теплом:

— Если не понравится — монастырь всегда останется твоим домом.

Элоиза опустила взгляд. Слова застряли где-то между благодарностью и страхом. Она боялась перемен — боялась покинуть эти стены, где всё так знакомо, где утешает привычная молитва и запах свечей. Но в глубине души дрогнула искра: а вдруг это — её путь?

— Я поняла, отец, — тихо сказала она. — Я попробую. Благодарю вас за заботу.

Аббат кивнул, улыбаясь глазами. Потом перевёл взгляд на блокнот в её руках.

— Ты всё ещё не расстаёшься со своим блокнотом, да?

Элоиза смутилась, как ребёнок, застигнутый за тайным письмом.

— Да, отец. Я пишу туда, когда не справляюсь с мыслями. Это помогает... не заблудиться внутри себя.

Он кивнул одобрительно.

— Тогда иди в молитвенный зал после нашей беседы. Поговори с Господом. Пусть Он услышит твои слова раньше, чем ты их запишешь.

— Да, отец, — шепнула она.

Она поднялась, склонила голову в поклоне и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

В коридоре воздух казался свежее, но сердце — всё так же тревожно билось. Она провела рукой по обложке блокнота, будто глядя живое существо, и подумала:

Если это воля Божья — я приму её. Но почему мне так страшно?

После разговора с аббатом Леметром Элоиза послушно направилась в молитвенный зал.

Там, под сводами из холодного камня, стоял мягкий полумрак, в котором мерцали пламя свечей и пахло ладаном. Воздух был густой, почти осязаемый — будто сама тишина молилась вместе с нею.

Элоиза опустилась на колени у алтаря, сцепила пальцы и закрыла глаза.

«Господи, направь меня... Если это твоя воля — дай мне силы не бояться. Я так долго жила за этими стенами, что забыла, какой ветер дует снаружи...»

Она долго сидела неподвижно, пока не ощутила лёгкое спокойствие — не радость, не уверенность, но тихое принятие. Когда поднялась, лицо её было спокойным, хотя в глазах ещё дрожал отблеск тревоги.

Вечерний звон колокола возвестил о начале ужина.

Большой трапезный зал был наполнен запахом хлеба, дыма и человеческого дыхания. Под сводчатым потолком гулко разносились шаги и шелест одежды. Длинные, потемневшие от времени столы, широкие скамьи — всё выглядело так же, как и каждый день.

Элоиза заняла своё место рядом с Софи. Девушка, уже сидела, аккуратно сложив руки. Её светлые волосы выбивались из-под корнета, а глаза блестели — светлые, беспокойные, почти детские.

Когда все расселись, в зал вошла старшая сестра и громко произнесла молитву перед трапезой. Сто человек, как единое дыхание, перекрестились и опустили головы.

После «аминь» началось движение — негромкое, размеренное. Кто-то резал хлеб, кто-то наливал сок, кто-то просто сидел в тишине, жуя медленно и благоговейно.

Сегодня ужин был скромным: ломоть черствого хлеба, немного колбасы, кусочек сыра и стакан виноградного сока — густого, тёмно-бордового, напоминающего вино.

Элоиза жевала машинально, мысли её были далеко — всё ещё там, в кабинете аббата.

Внезапно под столом она почувствовала лёгкое прикосновение — нога Софи осторожно коснулась её ноги. Элоиза вздрогнула и подняла взгляд.

Софи, едва заметно улыбаясь, шепнула, наклонившись ближе:

— Что сказал аббат Леметр? Всё хорошо?

Элоиза огляделась — старшие сестры сидели в дальнем конце, занятые молитвенными чтениями. Она склонилась чуть вперёд, стараясь, чтобы их шепот не заметили.

— Я... я буду работать гувернанткой, — произнесла она еле слышно, чувствуя, как слова звучат нереально, будто принадлежат кому-то другому.

— Гувернанткой? — Софи едва не вскрикнула, глаза её засияли. — Хвала Всевышнему! Это ведь чудесно!

Но радость длилась недолго — от дальнего стола резко прозвучал голос строгой сестры Бернадетты:

— Тише! Без разговоров во время трапезы!

Обе девушки моментально замерли.

Элоиза виновато опустила глаза, а Софи прикрыла рот ладонью, пытаясь скрыть улыбку.

Когда старшая сестра отвернулась, Элоиза чуть качнула головой и взглянула на подругу — взглядом, в котором было и предупреждение, и обещание: позже расскажу всё.

Софи кивнула, тихо продолжила ужин, но её глаза всё равно светились радостью за Элоизу — такой чистой, как утренний звон колоколов.

После ужина всех сестер направили в молитвенный зал — прозвучал вечерний колокол, и каменные стены откликнулись гулким эхом.

Под сводами, освещёнными сотнями свечей, они произнесли молитву, и голоса их слились в единое дыхание. Затем каждая разошлась по своим кельям, где царила тишина и запах воска.

Элоиза сидела у своего крошечного стола. На ней была лишь тонкая ночная сорочка, а каштановые волосы, обычно скрытые под корнетом, сегодня были собраны в низкий небрежный узел. Одна непослушная прядь выбилась и мягко падала на щёку, и она, задумавшись, наматывала её на палец, пока писала.

Тусклый свет лампы колебался от лёгкого сквозняка, и тень её руки скользила по странице блокнота.

«Завтра всё изменится... Господи, дай мне смелость встретить новый день без страха. Я не знаю, что ждёт меня за воротами монастыря, но верю — Твоя рука поведёт меня.»

Она поставила точку, вздохнула и на миг закрыла глаза, прислушиваясь — как звенит тишина. За стеной кто-то кашлянул, где-то далеко хлопнула дверь, и снова всё стихло.

Щёлкнула дверная защёлка. Элоиза вздрогнула, быстро поднялась, сердце ёкнуло. Она уже приготовилась услышать строгий голос сестры Бернадетты, решившей проверить, кто ещё не спит.

Но в проёме показалась знакомая фигура.

— Элоиза... слава Богу, ты не спишь, — прошептала Софи, прикрывая за собой дверь. Её лицо было чуть взволнованным, щеки розовели от быстрого шага. — Я... не могу уснуть. Всё думаю о том, что тебе сказал аббат. Да и ты, похоже, тоже не спишь.

Она кивнула на блокнот, лежащий на столе.

Элоиза улыбнулась, немного смущённо опустив взгляд.

— Да, — тихо произнесла она. — Мысли не дают покоя. Завтра... придёт та семья, о которой говорил аббат. Они хотят взять меня гувернанткой для их дочери. И, знаешь, Софи... мне страшно.

Она прижала блокнот к груди, будто тот мог защитить. — За столько лет я ни разу не покидала монастырь. Разве что за водой к колодцу или помочь на огороде. А теперь... целый мир за стенами. Я не знаю, готова ли я.

Софи подошла ближе. Её руки, тёплые и мягкие, легли поверх рук Элоизы.

— Сестра Элоиза, — сказала она почти шёпотом, — не страшись того, что Господь уже написал для тебя. Его пути — не наши, но в каждом из них есть добро.

Она улыбнулась, глядя прямо в глаза подруге. — Я уверена, это будет лучшее, что могло случиться. Давай... помолимся вместе, как раньше.

Элоиза кивнула. В её глазах блеснула влага, но не от страха — от чего-то нежного, как благодарность.

Они опустили на колени прямо на ковёр. Софи первой сложила руки, и Элоиза последовала её примеру. Их голоса, тихие, едва различимые, наполнили комнату. Слова молитвы звучали не как обряд, а как признание — в доверии, в дружбе, в вере.

Когда они закончили, Софи села рядом и легонько прислонилась к ней плечом.

— Не думай о завтрашнем дне, — прошептала она. — Пока что просто будь здесь. Со мной.

Элоиза улыбнулась, погладила подругу по волосам, и они обе легли на узкую кровать, укрывшись одним шерстяным одеялом.

Так они делали всегда — с детства, когда одна плакала, а другая молча обнимала, деля дыхание и тепло.

Софи заснула быстро, её дыхание стало ровным, спокойным.

А Элоиза лежала, глядя в потолок, где дрожал свет лампы. В груди было что-то щемящее, почти болезненное — предчувствие, что всё это скоро останется позади. Эти стены, молитвы, Софи...

Она закрыла глаза и, перед тем как уснуть, прошептала едва слышно:

— Господи... береги нас обеих.

И ночь опустилась на монастырь — мягкая, святая, как благословение.

— А вот и она, наша сестра Элоиза! — раздался радостный, чуть громковатый голос аббата Леметра.

Элоиза вздрогнула и обернулась. В её руках колыхалась на ветру белоснежная простыня — ещё влажная, пахнущая мылом и солнечным теплом. Она стояла у монастырского двора, между деревянными столбами, на которых были натянуты верёвки с бельём. Весенний ветер нежно трепал ткань, касался её щёк и волос, выбившихся из-под корнета.

Увидев настоятеля, она быстро выпрямилась, пригладила фартук и, растерянно моргнув, заметила, что он был не один.

Рядом с аббатом шла высокая женщина — статная, сдержанная, словно из другого мира. Возраст её выдавали серебристые пряди, едва видневшиеся из-под шляпы, украшенной темно-синими лентами. Платье её, глубокого морского оттенка, было тяжёлым и многослойным, из дорогой ткани, украшенной кружевом. На руках — тонкие перчатки цвета слоновой кости, а в пальцах — изящный зонт, которым она слегка прикрывалась от весеннего солнца.

Она двигалась медленно, с величием человека, привыкшего к вниманию и уважению. Даже воздух вокруг неё, казалось, стал тише.

Элоиза опустила глаза и поспешно поклонилась, держа в руках простыню, с которой капала вода.

— Здравствуйте, отец Леметр...мадам... — произнесла она тихо, чувствуя, как сердце забилось чаще.

— Здравствуй, сестра Элоиза, — сказал аббат с мягкой улыбкой, нарушая паузу, — позволь представить тебе мадам Генриетту Мерсье. Она прибыла, чтобы познакомиться с тобой.

Он повернулся к женщине. — Мадам, вот она — Элоиза Деламар, о которой я вам рассказывал.

Генриетта чуть приподняла подбородок, и её взгляд, холодный и пронизательный, скользнул по девушке сверху вниз. Она не говорила ни слова, но Элоиза ощущала, будто её взвешивают, оценивают — не как человека, а как предмет.

Серебристые глаза мадам задержались на лице Элоизы. Корнет мягко облегал её голову, из-под него выбивались каштановые пряди, подсвеченные солнцем. Лицо у неё было открытое, чистое — с большими карими глазами, в которых отражалась и тревога, и свет. Веснушки рассыпались по её щекам, придавая наивное очарование, и от этого контраст между ней и мадам Мерсье казался ещё сильнее.

— Сколько тебе лет, дитя? — наконец спросила женщина, голосом твёрдым, уверенным, без малейшей мягкости.

Элоиза сжала простыню, словно ища в ткани опору, и ответила тихо, почти шёпотом:

— Мне двадцать три, мадам.

Генриетта чуть приподняла бровь — не выражая ни одобрения, ни удивления. Её взгляд оставался неподвижным, как у человека, привыкшего видеть перед собой десятки лиц и мгновенно решать их судьбу.

На мгновение между ними повисла тишина — тёплый ветер качнул край простыни, и тень от неё легла на лицо Элоизы, словно прикрывая её от чужого взгляда.

Аббат, уловив напряжение, поспешил добавить с мягкой доброжелательностью:

— Сестра Элоиза — одна из самых прилежных и добрых наших учениц. Она терпелива, послушна и умеет обращаться с детьми. Я уверен, мадам, вы не будете разочарованы.

Генриетта перевела взгляд на него, затем вновь на Элоизу.

— Посмотрим, — ответила она спокойно, но в её голосе прозвучала странная нота — то ли испытание, то ли скрытое ожидание.

Элоиза покорно опустила голову.

— Можешь собирать свои вещи... Как тебя там... — произнесла мадам Генриетта, не отводя взгляда от Элоизы.

Её голос прозвучал спокойно, но в нём слышался металл, холодная привычка к приказу.

— Элоиза, мадам, — тихо подсказала девушка, не поднимая глаз.

— Ах да... Элоиза. — Женщина произнесла это имя, будто пробуя на вкус чужое слово. — Я даю тебе время до обеда. Мне всё равно нужно задержаться поблизости — есть кое-какие дела.

— Как прикажете, мадам, — покорно ответила Элоиза и опустилась в лёгком поклоне.

Генриетта больше не сказала ни слова. Лишь коротко кивнула, повернулась и пошла прочь — шаг за шагом, размеренно, будто время само отступало перед ней. Аббат Леметр на мгновение задержался, глядя на Элоизу с мягким, но тревожным выражением лица. Он будто хотел что-то сказать — утешить, успокоить, но лишь беспомощно пожал плечо Элоизы и поспешил за мадам.

— Мадам, позвольте, я вас провожу! — послышался его голос, постепенно тающий где-то у ворот.

Когда солнце перевалило к полудню, комната Элоизы была пуста.

Всё её имущество — несколько простых платьев, молитвенник, старый деревянный гребень, пара писем, связанных лентой, блокнот и маленький серебряный крестик — поместилось в небольшой, потёртый чемодан. Он пах лавандовым мылом и сухими травами.

Элоиза стояла на пороге монастыря, сжимая ручку чемодана, и чувствовала, как сердце болезненно стучит где-то в горле. Воздух был напоён ароматом весенней земли и звоном колоколов — как будто всё вокруг знало, что она уходит навсегда.

Перед ней стояли сёстры, выстроившиеся вдоль каменной дорожки — в белых покрывалах, с тихими улыбками и грустью в глазах. Среди них — аббат Леметр и Софи.

Карета ждала у ворот. Тёмная, с гербом на дверце и серебряными колёсами, она казалась чем-то чужим в этом скромном дворе. Мадам Мерсье уже сидела внутри — неподвижная, как статуя, глядя в сторону монастырского сада.

Софи подошла первой.

Элоиза поставила чемодан на землю и крепко обняла подругу. В груди что-то сжалось — их дыхания смешались, и ни одна не решалась первой отпустить.

— Элоиза, мне будет тебя так не хватать... — прошептала Софи, дрожащим голосом. — Пусть Господь осветит твой путь.

— Аминь... и мне тебя, Софи, — выдохнула Элоиза, чувствуя, как слова застревают в коме слёз.

Они ещё немного стояли, не отпуская друг друга. Потом Софи, тихо вздохнув, провела ладонью по щеке подруги, поправила выбившуюся из-под корнета прядь каштановых волос и, сквозь слёзы, улыбнулась.

— Ты сильная. Не забывай молиться.

Когда она отошла, к Элоизе подошёл аббат Леметр. Он тоже обнял её — коротко, отечески, но в его объятиях чувствовалось тепло и сожаление.

— Я буду молиться за тебя, дитя, чтобы у тебя всё было хорошо.

— Спасибо, отец Леметр, — сказала Элоиза и улыбнулась сквозь слёзы. Одна из них, горячая, всё же сорвалась и скатилась по щеке.

Она помахала всем рукой. Белые силуэты сестёр слились с весенним светом, будто растворяясь в нём.

Не позволяя себе оглянуться, Элоиза подняла чемодан и быстрым шагом направилась к карете. Если бы она задержалась хоть на мгновение — заплакала бы вслух, и тогда уже не смогла бы уйти.

Колёса кареты хрустнули по гравию, двери захлопнулись, и монастырь остался позади — как сон, из которого её разбудили слишком рано.

Глава 2

Карета мягко покачивалась на ухабах загородной дороги, за мутноватым стеклом мелькали залитые солнцем луга. Внутри стоял лёгкий запах табака и жасмина. Генриетта Мерсье, сидевшая напротив Элоизы, медленно закурила тонкую дамскую сигарету с золотым мундштуком. Она втянула дым, задержала его на мгновение в лёгких и выпустила ленивое облачко, которое повисло в воздухе между ними, как невидимая завеса. Элоиза сидела прямо, сложив руки на коленях, как учили в монастыре. Её взгляд был устремлён в окно, но мысли — далеко. Всё вокруг казалось ей слишком роскошным, слишком живым после строгих, белых стен монастыря. Кожаные сиденья, запах дыма, блеск колец на руках мадам — всё это давило и завораживало одновременно. Генриетта изучала девушку не мигая, словно редкий предмет, достойный пристального рассмотрения. Её пронизательные серые глаза скользили по лицу Элоизы — по мягкой линии щёк, по губам, которые чуть дрожали от волнения, по рукам, сложенным в неестественном спокойствии.

Да, подумала Генриетта, в ней есть нечто. Простота, но не без изящества. Невинность, но с искрой, которую жизнь ещё не успела погасить.

Аббат Леметр рассказал ей всё, что стоило знать: девочка из хорошей семьи, потерявшей всё. Родители умерли от болезни, а её нашли спустя две недели — бледную, измученную, среди мертвецов. С тех пор — монастырь, молитвы, книги, вышивка и послушание. Удобная кандидатура для гувернантки. Тихая, скромная, покорная. Генриетта стряхнула пепел в серебряную пепельницу и, не глядя на Элоизу, произнесла ровным, властным голосом: — Пока мы едем, не будем терять время. Я объясню тебе твои обязанности, Элоиза. Девушка вздрогнула, подняла взгляд. — Ты будешь помогать нашей младшей дочери, Камиль. Учить её манерам, письму, чтению, вышивке. Будешь сопровождать её в прогулках, следить, чтобы она вовремя ела и ложилась спать. В школе она будет с наставницей, но всё остальное время — под твоим присмотром. Её покой, её развитие, её настроение — твоя ответственность. Поняла? Сердце Элоизы забилося быстрее. В этих словах не было ни тени доброжелательности — лишь строгий долг. — Да, мадам... я всё поняла, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Но в начале он всё же дрогнул. Генриетта посмотрела на неё холодно, прищурившись. Затем сделала ещё одну затяжку, и её голос стал ниже, почти угрожающий: — Кушать можешь, когда пожелаешь. Жалование получишь в конце месяца. И запомни, Элоиза Деламар: я не терплю непослушания. Ни в словах, ни в делах. Она подалась вперёд и выпустила тонкую струйку дыма прямо перед лицом девушки. Элоиза почувствовала, как дым жжёт глаза и горло, но не смела отвести взгляда. Серые глаза мадам Мерсье были как лёд — холодные, бездонные, и от их взгляда у Элоизы закружилась голова. — Я вас не подведу, мадам, — выдохнула она, стараясь не показать дрожи. Генриетта откинулась на спинку сиденья, будто разговор был окончен. Она отвернулась к окну, и на её лице мелькнула тень удовлетворённой усмешки. Элоиза опустила взгляд на свои руки — они всё ещё слегка дрожали. За окном мелькали поля, цветущие деревья и бескрайнее голубое небо.

К вечеру карета замедлила ход, и, вздрогнув на последней неровности, остановилась перед массивными воротами, увенчанными гербом в виде распростёртого орла. Его крылья, выгравированные на кованом металле, сияли тусклым блеском под бледным солнцем. Элоиза заметила, что точно такой же орёл был изображён на старинной броши, украшавшей платье мадам Мерсье. За воротами возвышалось мрачное поместье, больше похожее на дом, где время замерло. Серые каменные стены были оплетены корнями плюща, словно сама природа пыталась удержать его от разрушения. Окна — узкие и высокие — казались немymi глазами, следящими за каждым шагом. У входа виднелся небольшой фонтан — высохший, покрытый

мхом, но с намёком на былое величие. Тонкая струя воды всё ещё сочилась из рта каменного ангела, будто тот плакал о чём-то утраченном. Когда колёса кареты замерли, кучер ловко прыгнул и открыл дверцу. Генриетта первой покинула экипаж, протянув в перчатке руку, словно давая милость принять её жест. В тот же миг перед крыльцом выстроились несколько слуг — выпрямившиеся, с потупленными взглядами. На их лицах не было любопытства, только привычная покорность. Элоиза вышла следом, аккуратно опустив ногу на каменную плиту. В воздухе стоял запах сырости и роз — странное сочетание увядающего сада и старого дома. Девушка поблагодарила кучера мягкой улыбкой, но тот лишь кивнул, не смея отвечать — и тут же забрался обратно на место. Мадам Мерсье не обернулась. Её фигура в тёмно-синем платье стремительно скрылась за дверью дома. Слуги поспешили за ней, оставив Элоизу стоять в одиночестве с чемоданом у ног.

Лишь одна женщина осталась позади. Невысокая, коренастая, с румяными щеками и живыми карими глазами, в которых сразу чувствовалось добро. Она подошла к Элоизе с улыбкой — тёплой, человеческой, такой, какой не дарили ей со дня отъезда из монастыря. — Здравствуйте! Меня зовут Мари. Мари Делакур, — представилась она, вытирая руки о передник. От неё пахло свежим хлебом, розовой водой и... мукой. Её голос имел лёгкий южный акцент, певучий и ласковый. — Очень приятно, — ответила Элоиза, чуть смутившись, но улыбнувшись в ответ. — Элоиза Деламар.

— Ах да, я слышала о вас! Новая гувернантка для нашей маленькой мадмуазель Камиль, не так ли? — Мари прищурилась, будто подтверждая очевидное. Элоиза кивнула, и та одобрительно всплеснула руками. — О, мадмуазель Камиль — чудо ребёнок! Хотя, — она хитро усмехнулась, — порой это чудо может вызывать бурю в доме. Но вы сами увидите. Тёплый смех Мари слегка рассеял тревогу, что тянула Элоизу с момента их приезда. — Позвольте, я покажу вам ваши покои, а потом отведу на кухню. Вы, должно быть, проголодались после дороги? — спросила Мари, но не дождавшись ответа, сама махнула рукой. — Конечно голодны! После монастырской скромности вы, наверно, мечтаете хоть о куске свежего хлеба. Значит сперва кухня! Она ловко подхватила чемодан Элоизы, несмотря на протест девушки, и с улыбкой добавила: — Не волнуйтесь, мадам Мерсье строгая, но не кусается. Если держаться подальше от её настроений — жить можно. Элоиза тихо рассмеялась, впервые за весь день и последовала за девушкой. Когда они переступили порог поместья, Элоизу словно окутал запах времени — смесь воска, пыли и тонких ароматов жасмина. Перед ними открылся просторный холл: свет из множества свечей отражался в отполированном мраморном полу. Сверху свисали изящные люстры, каждая из которых хранила сотни маленьких языков пламени, мерцающих в хрустале, как застенчивые звёзды. Взгляд Элоизы медленно поднялся вверх по величественной лестнице, где резные перила переходили в балкон второго этажа. От стен веяло прохладой и... чем-то недобрым, словно дом жил своей тайной жизнью, шепчущей в углах. С правой стороны холла виднелись две массивные двери из тёмного дерева, а с левой — три, чуть приоткрытые, ведущие вглубь поместья. Шорохи, отголоски шагов и приглушённые голоса доносились откуда-то изнутри, будто дом наблюдал за каждой новой душой, переступившей его порог. — Сюда, мадемуазель, — тихо сказала Мари, держа чемодан Элоизы, и тут же передала его молодому слуге с невзрачным лицом.

— Пускай отнесут в ваши покои, а мы пока спустимся вниз. Она направилась к третьей двери с левой стороны, скрытой под лестницей. За ней оказалась широкая лестница вниз — запах хлеба и жареного мяса ударил в лицо, тёплый, живой, будто сама жизнь жила здесь, на кухне.

Когда они спустились, Элоиза почувствовала себя так, словно попала в другое измерение. В отличие от мраморного холода холла, кухня была залита мягким светом, здесь царили движение и уют. Воздух был густ от ароматов специй, тушёных овощей и свежее испечённого хлеба.

Несколько женщин в передниках сутились у плит, перемещались с кастрюлями и противнями, переговаривались оживлённо и с теплом — здесь можно было смеяться, говорить, дышать.

Мари подвела Элоизу к небольшому деревянному столику у окна, где в стекле отражался огонь лампы.

— Садитесь. Погодите минутку, я сейчас всё принесу, — сказала она с улыбкой и ловко направилась к буфету. Элоиза опустилась на скамью. Её ладони чуть дрожали — от усталости, от тревоги, от всего нового. Она наблюдала, как Мари ходит по кухне, отдавая короткие распоряжения, как та смеётся с другими женщинами, от которых веяло добротой и жизнью. Этот шум был чужд монастырской тишине, но в нём было что-то... утешающее. — Вот, — произнесла Мари, ставя перед ней тарелку, наполненную ароматными блюдами. Там были ломтики сыра, тушёная баранина, немного овощей, кусок свежего хлеба и несколько фруктов. — Я не знала, что вы любите, поэтому положила всего понемногу. Элоиза чуть улыбнулась, глядя на неё с благодарностью. — Спасибо вам... — тихо произнесла она, невольно дотронувшись до руки Мари. Та ответила лёгким, ободряющим сжатием. Перед тем как начать трапезу, Элоиза сложила руки и склонила голову. Тихая молитва, произнесённая почти беззвучно, успокоила её сердце. Только после этого она принялась за еду — осторожно, будто боялась нарушить тишину собственных мыслей.

— Скажите, а как там... — начала Мари, садясь рядом. Она слегка наклонила голову, подыскивая слова. — ...в монастыре...?

Элоиза подняла глаза, удивлённо, будто впервые услышала вопрос, обращённый к ней без надзора.

— В монастыре?

— Да. — Мари неловко засмеялась. — Говорят, там всё строго и скучно. И злые сестры. Это правда?

Элоиза улыбнулась уголками губ, отложив вилку.

— Строго — да. Но скучно? Не знаю. Там время идёт иначе. Нельзя говорить во время трапезы, всё подчинено молитве и труду. Я там с детства, — её взгляд стал задумчивым, словно она видела перед собой не кухню, а бледные каменные стены и холодные рассветы монастыря. — Думаю, Господь уберёт меня от многого. От судьбы, которая могла быть куда хуже... Она замолчала. В голосе её звучала благодарность, но и тихая грусть, почти неуловимая. — Мне двадцать, — вдруг сказала Мари, словно желая разрядить атмосферу. Элоиза улыбнулась мягко. — Мы почти ровесницы. Мне двадцать три.

— О, чудесно! — оживилась Мари. — Тут почти все старше меня лет на двадцать. Иногда так не хватает человека, с кем можно просто поговорить! Но теперь — есть вы!

Она хихикнула, и глаза её зажглись озорным теплом. — Можно я буду обращаться к тебе на «ты»?

— Конечно, — ответила Элоиза с теплой улыбкой. После ужина, наполненного непривычным уютом и ароматом свежего хлеба, Мари проводила Элоизу по длинным коридорам второго этажа. Половицы мягко поскрипывали под ногами, стены были украшены картинами в позолоченных рамах, а тусклый свет ламп колыхался на их поверхностях, словно огонь пытался дотянуться до портретов людей, давно ушедших из жизни. — Твоя комната вот здесь, Элоиза, — сказала Мари, остановившись у резной двери из орехового дерева. — Она рядом с покоями мадемуазель Камиль. С другой стороны — комната старшего сына мадам Мерсье, но он уже несколько лет в отъезде. Учится, знаете ли. Никто не знает, когда вернётся. Элоиза кивнула, не решаясь спросить больше. Мари открыла дверь, позволив Элоизе первой войти. — Отдыхай. Завтра утром я найду за тобой, чтобы познакомить тебя с мадемуазель Камиль. — Она тепло улыбнулась, и в её голосе звучало участие. — Доброй ночи, Элоиза. Когда дверь закрылась, тишина комнаты обрушилась на девушку почти физически. Элоиза медленно прошла внутрь, держа ладони перед собой, будто боялась потревожить воздух. Комната казалась слишком про-

сторной, слишком чужой. Узкие, высокие окна скрывались за тяжелыми шторами цвета вина; сквозь щель между тканями пробивался луч холодного лунного света, ложась на пол мраморной дорожкой. Справа стояла кровать — большая, роскошная, с балдахином из тончайшего кружева. Элоиза подошла ближе, едва касаясь рукой покрывала. Мягкая. Тёплая. Совсем не та, на которой она спала в монастыре — узкой, скрипучей, с жёсткой соломенной подушкой. Эта казалась почти греховной роскошью.

Рядом стоял небольшой столик, а напротив — массивный письменный стол из тёмного дерева, за которым, вероятно, прежде сидела какая-нибудь знатная гостья. На полке над ним стояли книги и тетради, а у стены висело зеркало. Элоиза подошла ближе и посмотрела на своё отражение. В зеркале стояла незнакомка — бледная, тонкая, с усталым взглядом и аккуратно убранным корнетом. Её каштановые волосы едва виднелись из-под светло голубого головного убора, глаза казались огромными и чуть растерянными. Она долго смотрела, не узнавая себя.

Что я здесь делаю?

Тяжело вздохнув, Элоиза сняла корнет. Мягкие пряди рассыпались по плечам, лёгкие, как освобождение. Она провела пальцами по волосам, будто вспоминая, что значит просто быть женщиной, не «сестрой». На полу у шкафа стоял её чемодан. Скромный, старый, с тёмной кожей, потрескавшейся по углам. Она опустила на колени и открыла его — внутри лежали аккуратно сложенные вещи: простая ночная сорочка, несколько платьев и корнеты, лента для волос и маленький блокнот и серебряная цепочка с крестиком. Всё её имущество. Весь её мир. Она вытащила сорочку и ленту, когда вдруг в дверь постучали. Элоиза вздрогнула, едва не выронив ткань. В комнату вошла женщина — строгая, с опущенными глазами, в чёрном платье и переднике. По одежде Элоиза поняла, что это служанка.

— Добрый вечер, мадемуазель, — тихо произнесла та. — Не желаете ли принять ванну? Элоиза на мгновение растерялась, не привыкнув к подобным заботам. — О... да, конечно. Если вы покажете, где она находится... Но женщина не дала ей договорить, слегка поклонилась и сказала деловым тоном: — Всё будет готово через несколько минут, мадемуазель. Я провожу вас, как только ванна наполнится. Она вышла так же бесшумно, как и вошла. Элоиза осталась одна, сжимая в руках сорочку.

Ванна... специально для меня.

В монастыре вода всегда была холодной, и приходилось подолгу ждать, пока очередь дойдёт. Никто никогда не предлагал ей уединения, роскоши, заботы. Всё это было чуждо, нереально, как сон. Она подошла к столу, села и открыла свой блокнот. Взяла перо, окунула в чернильницу и начала писать аккуратным, чуть неровным почерком:

«Сегодня я прибыла в поместье Мерсье, в качестве гувернантки младшей мадемуазель Камиль. Дом... кажется мне слишком большим, а мадам Мерсье — холодной, как лёд. От неё у меня мурашки. Но здесь я встретила Мари. Она добрая, простая, будто лучик света. С помощью Господа, я справлюсь. Скучаю по Софи и сёстрам, по нашей маленькой келье и тихим утренним молитвам. Да хранит их Господь.»

Она аккуратно закрыла блокнот и прикоснулась к его обложке ладонью, словно к чему-то родному. Потом поднялась, оглянулась на комнату и на миг позволила себе улыбнуться — чуть-чуть, неуверенно.

Утро началось ещё до рассвета. Элоиза, как и все годы в монастыре, проснулась задолго до первых лучей солнца. В тишине нового дома, где даже стены казались дышать иначе, чем в Сен-Клер, она молилась, сидя у окна. Сквозь приоткрытые шторы пробивался тусклый свет, и пыль, кружащая в воздухе, напоминала крошечные звёзды. Когда дверь тихо скрипнула, Элоиза уже была одета — в простое пастельно розовое платье и белый корнет. На пороге появилась Мари с солнечной улыбкой и в руках держала лист бумаги. — Доброе утро, Элоиза. Вот, держи, — сказала она, протягивая лист. — Список дел, которые ты должна сегодня выполнить

вместе с мадемуазель Камиль. — Она прищурилась, словно вспоминая. — Цитирую мадам Генриетту: «Последующие пусть пишет сама». — Мари хихикнула, прикрывая рот ладонью. Элоиза скользнула взглядом по аккуратным строчкам — занятия музыкой, чтение, прогулка в саду, письменная практика...

— Я тебя представлю, а потом ты уже сама разберёшься, — сказала Мари. — Ты завтракала?

— Да... — Элоиза слегка смутилась. — Я попросила одну служанку показать мне, где можно поесть, а она... принесла целый поднос завтрака. Мне стало ужасно неловко... — Брось, — отмахнулась Мари с улыбкой. — Здесь к этому быстро привыкаешь. Пошли, не будем тянуть. Мари взяла Элоизу за руку, и они пошли по коридору. Их шаги гулко отдавались от мраморного пола. У двери, украшенной резьбой с изображением виноградных лоз, Мари остановилась. — Вот комната Камиль, — сказала она, тихо вздохнув. — Смотри и запоминай, как с ней обращаться. Она постучала трижды. Тишина. — Ну, начнём, — сказала Мари с заговорщицкой улыбкой, приподнимая указательный палец. Затем, без тени сомнений, распахнула дверь. — Мадемуазель Ками-и-иль! — воскликнула она так громко, что Элоиза едва не вздрогнула. — К вам пришла ваша новая гувернантка мадмуазель Элоиза! Самое время открывать глазки! Она подошла к окну и резко распахнула шторы. В комнату ворвался солнечный свет, золотыми полосами пронзив прохладный воздух. На большой кровати, среди кружевных подушек, зашевелилось что-то светлое — девочка, спрятавшаяся под одеялом.

— Мари... уйди, дай мне поспать... — сонно пробормотала она.

— Нет, нет, мадмуазель, сегодня нельзя лениться. — Мари решительно потянула за край одеяла. Девочка, недовольно вздохнув, показала своё лицо — нежное, упрямое, с серыми глазами, почти такими же холодными, как у её матери. — А вот и ваша гувернантка! — радостно произнесла Мари, подталкивая Элоизу вперёд. — Помните, мадам говорила, что скоро приедет кто-то, кто будет следить за вашими успехами? Так вот, это и есть мадемуазель Элоиза Деламар.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Элоиза неловко поклонилась. — Доброе утро, мадмуазель Камиль, — мягко произнесла она, стараясь не выдать волнения. Девочка, всё ещё с сонными глазами, внимательно посмотрела на неё. У неё были волосы цвета пшеницы и россыпь веснушек по щекам. Элоиза невольно улыбнулась — такие же веснушки были у неё самой. — Доброе утро, мадмуазель Элоиза, — ответила Камиль, осторожно, почти с недоверием. — Ну вот, — довольно сказала Мари. — Я прикажу, чтобы вам подали завтрак. А вы пока познакомьтесь получше. Мари поклонилась и вышла, оставив их вдвоём. Элоиза сделала шаг вперёд, стараясь говорить спокойно, но сердце стучало быстрее обычного.

— Сегодня у нас с вами несколько дел, мадмуазель Камиль. После завтрака я бы хотела начать с урока письма, если вы не против...

Камиль, не дослушав, нахмурила лоб. — Почему вы так... странно выглядите, мадам? — спросила она вдруг. — Предыдущие гувернантки были совсем другими. Они носили красивые платья, шляпки... а вы — вот это, — она ткнула пальцем в сторону корнета. Элоиза чуть смутилась, но затем рассмеялась тихо, прикрывая рот рукой.

— Простите, мадмуазель, понимаю, мой вид, возможно, вас удивляет. Я не совсем такая, как другие гувернантки. Я верующая женщина. А этот головной убор — не просто украшение. Он называется корнет. Это моя защита, мой обет смирения. Камиль склонила голову набок, разглядывая её с искренним любопытством. — Защита от чего?

— От взглядов, зависти... и от соблазнов мира, — мягко ответила Элоиза. — Он напоминает мне, кем я являюсь и для чего жива.

— Странно, — протянула Камиль, но уже без насмешки. — И откуда же берутся такие, как вы?

— Из монастыря, мадмуазель, — с лёгкой улыбкой ответила Элоиза.

В этот момент в комнату вошли служанки: одна несла поднос с завтраком, другие — расческу, платье и ленты. Камиль тут же оживилась, заёрзала, уже забыв о своём вопросе, а Элоиза отступила в сторону, наблюдая, как утро в этом доме начинало свой привычный ритуал.

Глава 3

Камиль сидела за письменным столом у окна — утренний свет ложился на её волосы золотистыми бликами, а за окном лениво покачивались деревья. Элоиза стояла напротив, держа в руках тонкий лист бумаги и перо с чернильницей. На мгновение она задержала взгляд на девочке — в её лице смешивались любопытство, усталость и то едва уловимое недоверие, с которым дети смотрят на взрослых, пришедших их «воспитывать». Она поставила лист перед Камилем и мягко, почти шёпотом, произнесла:

— Мадемуазель, начнём с письма. Тема — «Что значит быть доброй».

Камиль нахмурилась, будто не расслышав. — «Что значит быть доброй»? — переспросила она с лёгкой насмешкой и откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди.

— Вы сейчас не шутите? Элоиза слегка улыбнулась, не чувствуя обиды. — Никак нет, мадемуазель. Это очень хорошая практика. — Она сделала шаг ближе, стараясь говорить спокойно, без нажима. — Так вы сможете потренировать свой почерк и... может быть, осознать, что для вас самой значит доброта. Признаюсь, я и сама часто пишу такие письма. Её голос звучал тихо, но уверенно — не как у учительницы, а как у человека, который действительно хочет быть услышанным. Камиль почувствовала это и, хотя внешне оставалась холодной, внутри что-то дрогнуло. — В монастыре, где я училась, — продолжила Элоиза, опустив взгляд на стол, — нас часто просили писать письма. Не ради оценок... а чтобы научиться слышать себя. Ведь иногда легче выразить душу на бумаге, чем словами. Попробуйте, мадемуазель. Если вам не понравится — найдем другую тему. Между ними повисла тишина, нарушаемая лишь лёгким скрипом ветра за ставнями. Камиль смотрела на листок, на перо, на спокойное лицо Элоизы — и вдруг, как будто уступив внутреннему порыву, взяла перо в руку. Элоиза подошла ближе и мягко поправила её осанку:

— Спину ровно... вот так. Перо держите легко, не зажимайте. Позвольте руке двигаться, словно она сама знает, что хочет сказать.

Камиль кивнула, и перо коснулось бумаги. Первые буквы ложились неровно, с паузами, будто каждая мысль требовала усилия. Элоиза молчала, лишь время от времени бросая одобрителный взгляд.

Она видела, как почерк девочки постепенно становился увереннее, а слова — теплее. — «Быть доброй — это не только улыбаться»... — прочитала Камиль вслух кусочек, будто проверяя, как это звучит.

Элоиза тихо улыбнулась:

— Прекрасно сказано.

В этот момент Камиль потянулась к чернильнице, но задела её не аккуратно. Капля густых чернил упала прямо на её пальцы, расплылась холодным пятном. Девочка резко втянула воздух.

— Ах! — воскликнула она раздражённо. Элоиза тут же подошла, достала из кармана платок.

— Позвольте, мадемуазель. — Она осторожно взяла её руку, тёплую, немного дрожащую, и начала вытирать чернила, действуя с почти материнской нежностью. — Ошибки не страшны, — сказала она тихо, не отводя взгляда. — Страшно лишь, если мы не пытаемся их исправить.

Слова прозвучали просто, но в них было что-то, что коснулось самой глубины Камилем. Она замерла, наблюдая, как Элоиза аккуратно стирает чернильные следы с её пальцев. На щеках девочки появился лёгкий румянец — от смущения, которого она сама не поняла.

— Спасибо, мадемуазель... — прошептала она, едва слышно. Элоиза отпустила её руку и чуть поклонилась:

— Вот и всё, мадемуазель. Теперь можете продолжать.

Камиль опустила глаза на бумагу и снова взялась за перо, уже без прежней неохоты. В её движениях появилась мягкость, в лице — сосредоточенность. Элоиза, наблюдая за ней, почувствовала, как в груди рождается тихое, тёплое чувство — словно первая искра доверия загорелась между ними.

Она не сказала больше ни слова, просто стояла у окна, глядя, как луч света ложится на плечо Камиль, а кончик пера оставляет на бумаге следы — маленькие, неровные, но искренние, как само начало новой дружбы. Когда Камиль поставила последнюю точку и осторожно положила перо, Элоиза аккуратно взяла листок и бережно убрала его в папку — тонкую, кремового цвета, в которую она теперь складывала все работы своей юной ученицы. На мгновение она задержала пальцы на листе, будто желая сохранить тепло детских мыслей, прежде чем закрыть его. — Вы сегодня молодец, мадемуазель Камиль, — произнесла она с мягкой, одобрительной улыбкой. — По расписанию у нас сейчас небольшой перерыв. Чем бы вы хотели заняться? Может, прогуляемся в саду? — Элоиза перевела взгляд к окну: солнце заливало комнату золотистым светом, листья на деревьях дрожали от лёгкого ветра. — Там, кажется, прекрасная погода. — Да, давайте пойдём! — воскликнула Камиль с неожиданной живостью и впервые за день улыбнулась по-настоящему, без тени капризности. Элоиза помогла ей надеть лёгкую шляпку с розовой лентой, под цвет её светло-розового платья с кружевами и пышными рукавами. Девочка напоминала цветок, только что распутившийся на солнце. Элоиза взяла корзину, в которую Мари заранее сложила плед, фрукты и пирожки, добавила туда свой блокнот и папку с письмом Камиль. Когда они вышли наружу, Элоизу будто окутало новое дыхание жизни: воздух был наполнен запахом роз, тёплой земли и свежескошенной травы. Где-то вдалеке журчал фонтан, над головой щебетали птицы. Она замедлила шаг, не в силах скрыть восхищение. Сад был похож на рай — ухоженные дорожки, клумбы всех оттенков розового и белого, старые липы, создававшие мягкую тень. Элоиза и не подозревала, что за стенами этого мрачного поместья скрывается такая красота. Камиль, смеясь, побежала по дорожке, собирая цветы. Элоиза опустилась на колени рядом с клумбой и показала девочке, как из гибких стеблей плести венки. Их пальцы соприкасались, и Камиль хихикала, когда венок распадался, а Элоиза терпеливо помогала сплести его заново. Позже, расстелив плед под яблоней, они устроились рядом. Весеннее солнце согревало щеки, мягкий ветер перебирал волосы. Некоторое время они молчали — Камиль смотрела в небо, а Элоиза записывала что-то в свой блокнот.

— Мадемуазель Элоиза, — вдруг тихо заговорила Камиль, не отрывая взгляда от неба, — вы когда-нибудь скучали... по кому-то очень сильно?

Элоиза подняла глаза, немного растерявшись от вопроса, и мягко улыбнулась. — Хм... да. В данный момент я скучаю, — сказала она задумчиво. — По кому? — в голосе Камиль звучала искренняя любознательность, не детская, а почти взрослая. Элоиза на секунду замолчала, прежде чем ответить:

— По одной очень близкой подруге. Мы вместе выросли в монастыре. Она для меня как родная сестра. — Её голос дрогнул, и в глазах мелькнула печаль. — Я часто думаю о ней... и молюсь, чтобы Господь оберегал её. Камиль кивнула, а потом тоже опустила глаза. — Я тоже скучаю. Очень, очень сильно, — сказала она тихо, чуть смущённо, будто признавалась в секрете. — По моему брату. Он живёт в Италии... во Флоренции. Учится быть художником. Уже четыре года как уехал. Каждый день я жду, что он вернётся. — Она улыбнулась, но в её улыбке сквозила грусть. — Мама говорит, что он должен заняться семейным делом, когда вернётся, потому что отец болен... но я думаю, он родился не для этого. Он всегда хотел рисовать. — Вы очень его любите, да? — мягко спросила Элоиза. — Конечно. Он был... самым добрым из всех. Даже мама рядом с ним становилась мягче. — Камиль мечтательно вздохнула. — Думаю, когда он вернётся, вам обязательно нужно будет познакомиться. Вы, наверное, будете от него в восторге!

Элоиза рассмеялась вместе с ней. Этот смех был лёгкий, чистый — как звон колокольчиков. После прогулки Камиль пошла обедать с родителями, а Элоиза спустилась на кухню к Мари — вместе с другими служанками они ели скромный, но вкусный обед и делились историями. Тёплая простота кухни напомнила Элоизе монастырские вечера. Позже Камиль попросила её послушать, как она играет на фортепиано. Первые аккорды были резкие, неровные, но Элоиза терпеливо показывала, как нужно держать руки, как чувствовать ритм, а не просто отбивать ноты. Постепенно звук стал мягче, ровнее, и в лице Камиль появилась сосредоточенность. Вечером, когда солнце скрылось за холмами, Элоиза проводила девочку в её покои, отдала распоряжение служанкам подготовить ванну и помочь ей лечь спать. Когда Элоиза наконец вернулась в свою комнату, вечер уже окутал дом тихим полумраком. Сквозь тонкие занавески просачивался бледный свет луны, ложась серебряным следом на пол. Она поставила на стол лампу, и мягкое, янтарное сияние осветило её уставшее лицо. Пламя дрогнуло, будто колеблясь вместе с её дыханием. Элоиза осторожно открыла папку и достала письмо Камиль. На мгновение она просто смотрела на аккуратный, чуть неуверенный почерк девочки — в каждой букве чувствовалась искренность, желание быть понятой. Затем Элоиза начала читать:

«Что значит быть доброй?

Быть доброй — это не только улыбаться и говорить вежливо. Иногда, когда я злюсь, мама говорит, что воспитанные девочки себя так не ведут. Но ведь... я просто не хочу, чтобы меня всё время сравнивали с другими. Я помню, как прошлой зимой старый пёс садовника заболел. Все говорили, что его надо прогнать, потому что он мешал и лаял по ночам. Но я тайком носила ему молоко и клала хлеб. Он смотрел на меня такими глазами, будто понимал, что я не дам ему умереть. Потом он всё равно умер, и мне было очень больно. Быть доброй, наверное, значит не отступать, даже когда никто не видит твоей доброты. Иногда я думаю, что быть доброй — это тяжело. Потому что если ты слишком добрая, то другие начинают пользоваться этим. И всё равно... я не хочу быть как мама, которая может говорить холодно и будто не чувствует ничего. Может, доброта — это просто когда тебе не всё равно.»

Когда Элоиза дочитала, её руки дрожали. Она опустила письмо на стол и долго сидела, не в силах оторвать взгляд от строк. Каждое слово отзывалось внутри чем-то личным, болезненно знакомым.

«Быть доброй — это не отступать, даже когда никто не видит твоей доброты...» — повторила она шёпотом, будто эти слова были молитвой. Сердце сжалось. Ей показалось, что в этих строках говорит не просто ребёнок — а душа, ищущая света, такой же свет, который когда-то искала она сама. Перед внутренним взором всплыли холодные стены монастыря, аромат свечей и хрупкие силуэты девочек в серых платьях. Она вспомнила, как по вечерам, когда настоятельница оставляла непослушных без ужина, Элоиза украдкой приносила им кусочек хлеба. Помнила страх, когда её почти поймали, и тихие слова благодарности, шепчущиеся в темноте. Она тогда тоже писала письма — Господу, умершим родителям, самой себе. Писала, чтобы не забыть, что у неё есть сердце. Чтобы не потерять способность чувствовать. Элоиза провела пальцем по строчкам Камиль, словно пытаясь прикоснуться к ней через бумагу.

«Она чувствует боль... но не умеет её выразить. Господи, если я смогу научить её не только словам, но и тому, как говорить сердцем — значит, я действительно здесь не зря...»

Она взяла перо и открыла свой блокнот. Чернила легли на страницу мягко, уверенно, и с каждым словом Элоиза словно выдыхала накопившееся в груди.

«Сегодня Камиль впервые улыбалась искренне. Она рассказала о своём брате. Я вижу, что под её дерзостью прячется доброе сердце, которому просто не хватает тепла. Господи, дай мне мудрости быть для неё тем, кем была для меня Софи — другом, который слышит и понимает.»

Она отложила перо, закрыла блокнот и на мгновение прикрыла глаза. Комната погрузилась в мягкий полумрак, лишь пламя лампы колыхалось, будто дышало вместе с ней. Элоиза

сложила руки на груди и начала тихо шептать молитву. Слова текли из сердца, словно тихий ручей — она просила Господа о мудрости, терпении и мире в душе, чтобы быть достойной наставницей для Камиль.

Когда молитва закончилась, она медленно выдохнула, словно освободилась от дневной усталости, и взялась снова за свой блокнот. В нём она тщательно записала план на завтрашний день — пункт за пунктом, аккуратным почерком: утренняя молитва, урок письма, прогулка в саду, этикет за столом.

Затем сняла корнет, аккуратно сложила его у изголовья, переделалась в тонкую сорочку и, укрывшись одеялом, тихо прошептала:

— Да хранит нас всех Господь...

Сон пришёл быстро, мягко, как благословение.

— Мадмуазель Камиль, — произнесла Элоиза, стоя в гостиной и стараясь, чтобы голос звучал уверенно, но доброжелательно. — Сегодня мы с вами будем учиться этикету и поведению за столом. Комната была залита мягким дневным светом, который падал на белую ска-терть, где аккуратно лежали ложки, вилки и ножи. Камиль сидела напротив — её золотистые волосы блестели на солнце, а серые глаза сверкали озорством. — Можете показать мне, как вы обычно кушаете? — мягко спросила Элоиза. — Конечно! — с энтузиазмом воскликнула Камиль и, не задумываясь, схватила сразу два прибора, уронила салфетку и засмеялась, ерзая на стуле. — Примерно вот так, мадмуазель!

Элоиза едва сдержала улыбку, но всё же улыбнулась. Она подняла салфетку, аккуратно расправила её и вновь положила перед девочкой.

— Мадмуазель Камиль, вы юная леди из благородной семьи, — мягко произнесла она. — А значит, должны вести себя так, чтобы каждый ваш жест говорил о достоинстве. Я знаю, это непросто и, возможно, скучно. Но вспомните, как ведут себя другие девочки, когда вы трапезничаете вместе? Камиль задумалась на мгновение, потом вдруг рассмеялась:

— О! Моя подруга Катрин! — воскликнула она. — Она всегда сидит вот так! — Девочка выпрямила спину, вытянула подбородок и, изображая надменное выражение, взяла вилку и нож с преувеличенной грацией. — «Какое восхитительное блюдо!» — произнесла она глубоким тоном, пародируя взрослых дам, и обе рассмеялись. — Да, это забавно, мадмуазель Камиль, — улыбнулась Элоиза, — но именно это — правильно. Она подошла ближе и начала объяснять, как пользоваться каждым прибором, как складывать нож и вилку, когда трапеза окончена или когда делаешь паузу. Её голос был тихим, спокойным, без приказного тона, с лёгкой ноткой тепла. Камиль слушала внимательно, в её глазах светился интерес. Прошло полчаса — и Камиль уже сидела с прямой осанкой, держа приборы так, будто родилась с ними. Иногда она ошибалась, но Элоиза лишь мягко поправляла её, не произнося ни одного упрёка. Впервые Камиль училась с удовольствием, без страха быть осмеянной. Так проходили дни — один за другим, плавно, как перо по бумаге. Утро в доме Мерсье начиналось всегда одинаково: в коридорах разливался запах свежего хлеба и горячего молока, где-то наверху звенел колокольчик, призывая служанок к делам. Камиль уже ждала у окна, в белом платице, с разлетающимися светлыми кудрями и сияющими глазами. С каждым днём она всё увереннее писала, лучше читала и спокойнее вела себя за столом. Элоиза видела в ней перемены — не только в манерах, но и в душе: её ученица стала мягче, рассудительнее, внимательнее к словам. Каждое утро, в будни, приходила строгая преподавательница — мадам Лефевр. Она с холодной точностью обучала Камиль грамматике, арифметике, географии. Девочка часто зевала, теребила перо, бросала взгляды на часы. Но как только мадам Лефевр уходила, и в комнату входила Элоиза — с лёгкой улыбкой, с запахом лаванды, — всё менялось. Камиль словно оживала. Они садились рядом у письменного стола, и Элоиза помогала разбирать сложные упражнения, терпеливо объясняя, почему запятая стоит именно там, а не в другом месте. Иногда она

рассказывала истории — о городах, где никогда не бывала, о птицах, чьи песни можно услышать только в мечтах. Камиль слушала, затаив дыхание, и её глаза наполнялись блеском. Каждый день Элоиза давала ей новое задание: написать письмо. Иногда на воображаемую тему — о прогулке в саду, о вечере у камина, о незнакомом человеке, встреченном во сне. Камиль писала, размышляя, выбирая слова, и в этих письмах всё чаще появлялась нежность, которую раньше прятала за смешками и капризами. За обеденным столом, в присутствии родителей, Камиль теперь сидела с грацией — ровная осанка, спокойный взгляд, движения рук точные, будто отмеренные временем. Даже Генриетта иногда смотрела на неё дольше, чем обычно, с тихим, но неохотным восхищением.

Однажды вечером, когда дом уже погрузился в тишину, Элоиза услышала тихий стук в дверь. На пороге стояла служанка. — Мадам Мерсье просит вас, мадемуазель Элоиза, спуститься в гостиную.

Элоиза поправила платье, пригладила корнет и направилась вниз. В гостиной горел камин, вино мерцало в хрустальном бокале, воздух был густ от запаха дубовых поленьев и вина. Генриетта сидела в кресле, элегантная и уставшая, с чуть помятым кружевным воротником.

— Элоиза Деламар... — протянула она медленно, не глядя прямо. — Хочу признаться, ты делаешь хорошую работу... для такой девки, как ты. В её голосе прозвучала непривычная мягкость, но за ней всё равно прятался холод. Элоиза стояла прямо, на почтительном расстоянии, слегка опустив руки перед собой.

— Да, вы сделали очень хорошую работу, мадемуазель Элоиза, — добавил месье Огюст, сидевший у камина. Его голос был слаб, но искренен. — Наша дочь заметно изменилась. Она стала спокойнее, рассудительнее... Как подобает юной леди. Когда Габриэль вернётся, он её не узнает. Имя брата Камиль впервые прозвучало в присутствии Элоизы. Она слегка приподняла бровь, но сдержалась, кивнув с вежливой улыбкой. Генриетта сделала ещё глоток вина и коротко кивнула. — Это точно. На этом всё, можешь идти. — Продолжайте в том же духе, мадемуазель, — тихо добавил Огюст. Элоиза склонила голову. — Благодарю вас. Это многое для меня значит. Доброго вечера, месье, мадам. Она вышла из гостиной и когда проходила мимо комнаты Камиль, из-под дверей комнаты струился мягкий свет свечи. Наверняка девочка ещё не спала — может, что-то писала в своём дневнике. Элоиза невольно улыбнулась. С каждым днём она всё сильнее чувствовала, как между ними крепнет невидимая нить. Камиль стала ей не просто ученицей, а почти младшей сестрой. Она доверяла Элоизе свои страхи, мечты, рассказывала о покойной няне и о брате, который редко писал из пансиона. А рядом с ними всё чаще появлялась Мари. С ней Элоиза тоже подружилась: они иногда пили чай на кухне после уроков, делились историями, смеялись шёпотом, чтобы не услышала мадам Мерсье.

Так шло время — тихо, как падает пыль на книги в старой библиотеке.

Тёплый ветер лениво трепал края пледа. Над ними покачивались тяжёлые яблоки — ещё не спелые, но уже наливные, блестящие в солнечных пятнах. Сад был тих, только где-то вдали стрекотала кузнечиками жизнь. Камиль лежала на животе, подперев щеку рукой, а Элоиза сидела рядом, раскрыв свой блокнот. — Мадемуазель Элоиза, — вдруг произнесла Камиль, не поднимая взгляда, — а вы верите, что Господь действительно всё видит?

Элоиза оторвалась от своих заметок, посмотрела на девочку и улыбнулась мягко. — Конечно. Иногда даже тогда, когда мы сами себя не видим.

— А зачем тогда Он забирает у людей тех, кого они любят? — Камиль подняла голову, и в её глазах мелькнуло то непонимание, которое бывает только у ребёнка, впервые столкнувшегося с болью. — Вот мой отец всё время болеет, мама почти не выходит из своей комнаты. Брат уехал. Господь ведь знает, как я скучаю. Почему же не возвращает их? Элоиза замолчала. Лёгкий шорох травы, звонкий смех птички — всё звучало теперь как-то дальше.

Она медленно ответила:

— Знаешь, Камиль... когда я была в монастыре, одна девочка часто плакала по ночам. Она потеряла родителей, как и я. И как-то раз матушка-настоятельница сказала нам: «Господь не забирает, Он возвращает. Просто не всегда туда, куда мы можем пойти вслед».

Камиль нахмурилась, глядя в траву.

— Возвращает... куда? — К Себе, — тихо сказала Элоиза. — Туда, где нет боли и страха. Но пока мы здесь, Он ждёт, чтобы мы научились любить так, как любят там — без условий, без гордости. Даже если больно. Девочка долго молчала. Потом тихо, почти шёпотом, сказала:

— Но если душа устала любить? Если кажется, что внутри пусто?

Элоиза посмотрела на неё долго, с тем взглядом, каким греют, а не жалеют. — Тогда другой человек должен научить её снова. Иногда — случайный. Иногда — тот, кого ты меньше всего ждала. Камиль прижала колени к груди, глядя куда-то вдаль, где ветер шевелил ветви яблони. — А вы... кто вас научил? — спросила она тихо.

Элоиза отвела взгляд, будто солнце ослепило её. — Одна девушка, Софи. Я тебе про неё уже рассказывала, помнишь? Она верила, что доброта — это не молитва и не слова, а то, что ты делаешь, когда никто не смотрит. Она улыбнулась с грустью. — Я тогда не понимала, но теперь понимаю. Камиль потянулась и, как ребёнок, осторожно взяла Элоизу за руку.

— Может, вы теперь учите этому меня? Элоиза почувствовала, как в груди сжалось что-то светлое и болезненное одновременно.

— Возможно, именно для этого Господь и привёл меня сюда, — ответила она, глядя девочку по волосам. — Чтобы ты не забыла, что добро — это тоже молитва, только без слов. Ветер донёс сладкий запах яблоневого листьева. — Кажется, нам пора идти, — мягко сказала Элоиза, закрывая блокнот и аккуратно пряча его в корзину. Её голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась лёгкая грусть — в саду под яблоней время будто замирало, и не хотелось нарушать это тихое волшебство.

— Уже? — протянула Камиль, откинувшись назад на плед и подставляя лицо солнцу. — Может, ещё немного посидим? Здесь так хорошо... Элоиза улыбнулась — та детская, искренняя просьба тронула её. Но долг звал. — Тебе пора обедать, Камиль. Матушка будет сердиться, если мы опоздаем. — Она говорила мягко, без строгости, но с тем спокойным тоном, которому трудно было возразить. — Да, вы правы... — нехотя согласилась Камиль и, вздохнув, начала помогать собирать вещи. Плед, корзина, несколько упавших яблоневых лепестков — всё складывалось в порядке, как будто они прощались с этим маленьким утренним чудом.

Они шли обратно к поместью медленно, будто растягивая последние минуты покоя. Воздух стал чуть плотнее, прохладнее; запах сада сменился ароматом влажного камня и роз, растущих у заднего входа. Камиль, прижимая к груди венок из ромашек, шла рядом с Элоизой, время от времени поглядывая на неё — будто хотела что-то спросить, но не решалась. Когда они уже приближались к дому, Элоиза почувствовала странное беспокойство. Весь сад, обычно оживлённый — пуст. Ни звука, ни шагов, ни смеха служанок. Даже птицы на мгновение притихли.

— Как тихо... — шепнула Камиль, нахмурившись. И тут из-за угла буквально влетела Мари. Щёки у неё пылали, дыхание сбивалось, а глаза сияли — не страхом, нет, а взволнованной радостью. — О, наконец-то я вас нашла! — воскликнула она, хватая Элоизу за руку, а затем — и Камиль. — Мари, что случилось? — удивлённо спросила Элоиза, чувствуя, как в груди начинает подниматься тревога.

— Не пугайся Элоиза, — быстро заговорила Мари, улыбаясь так широко, что казалось — сердце сейчас выпрыгнет из груди. — Месье Габриэль вернулся! — Что?! — Камиль словно ожила. Её глаза загорелись, а голос звенел чистой, неподдельной радостью. — Братец?! Где он?! Она хотела броситься бежать, но Элоиза мягко положила руку ей на плечо. — Камиль, вспомни, чему я тебя учила. — Голос Элоизы был тихим, но уверенным, и Камиль тут же остановилась, поймав дыхание, пытаясь вспомнить о манерах, о достоинстве юной леди.

— Простите, — выдохнула она, но глаза всё равно сияли, — просто я так счастлива...

— Пошлите, — сказала Мари, слегка понижая голос, хотя улыбка с её лица не сходила. — Мадам Мерсье приказала привести вас. Элоиза и Камиль переглянулись. В глазах Камиль — восторг и нетерпение, в глазах Элоизы — лёгкое волнение, будто она предчувствовала, что этот день станет переломным. Она крепче прижала к груди корзину и шагнула вперёд, следом за Мари.

Глава 4

— Мадам Генриетта, как вы просили, я привела мадемуазель Камиль, — произнесла Мари, опуская взгляд и деликатно склоняясь у входа в гостиную.

— Благодарю. Можешь идти, — сухо ответила мадам Мерсье. Даже не взглянув в сторону Мари, она будто не слышала ничего вокруг — её внимание было приковано к мужчине, стоявшему у окна. Высокий, уверенный, словно несущий в себе отблеск дальних дорог. Темные чуть растрепанные волосы небрежно спадали на лоб, лёгкая тень щетины подчеркивала скулы, а светло-серые глаза — такие же, как у мадам Генриетты — казались одновременно спокойными и внимательными. Он был одет просто, но со вкусом: льняная рубашка небрежно расстёгнута на вороте, а вместо строгого галстука — мягкий шарф, небрежно обвивший шею.

— Габриэль! — голос Камиль пронзал тишину, словно звон колокольчика. Она сорвалась с места и в несколько шагов оказалась в его объятиях. Он крепко обнял её, подняв чуть над полом, и рассмеялся — тихо, так, как смеются только дома. Элоиза, стоявшая чуть позади, у самой двери, затаила дыхание. Перед ней была сцена, о которой Камиль рассказывала бесчисленное количество раз — и теперь она ожила. Лёгкая, почти незаметная улыбка скользнула по губам Элоизы.

— Здравствуй, Камиль, — мягко сказал он. — Вижу, ты совсем меня не забыла. Он чуть отстранился, чтобы посмотреть на сестру, и в этот момент его взгляд — тёплый, живой — впервые встретился с глазами Элоизы. Именно в этот миг корзина, которую Элоиза прижимала к себе всё это время, неловко соскользнула из её рук. Сухой стук о паркет нарушил идиллию. Тетради, перо, блокнот, цветы — всё рассыпалось по полу. Все взгляды — Генриетты, Огюста, Габриэля, даже Камиль — обратились к ней. — Простите... п-пожалуйста... — прошептала Элоиза, опускаясь на колени и торопливо собирая вещи. Пальцы её дрожали.

Генриетта раздражённо закатила глаза, но месье Огюст легонько коснулся её руки, будто прося не сердиться. А Габриэль, тихо отпустив Камиль, подошёл слегка хромая к Элоизе и опустился рядом — на одно колено. Элоиза почувствовала запах — приятную смесь из табака и цитрусового одеколona. — Позвольте помочь вам, мадемуазель, — произнёс он негромко. — Не стоит, месье, я... — начала она и остановилась, когда их взгляды встретились снова. В его глазах не было ни насмешки, ни высокомерия — только искреннее участие. Он молча помог собрать последние листки, бережно положил их в корзину и, подавая её Элоизе, чуть наклонил голову. — Как вас зовут? — спросил он, будто это был самый естественный вопрос на свете.

— Э... Элоиза. Элоиза Деламар, — ответила она, чувствуя, как сердце гулко бьётся в груди. Она прикусила губу, не зная, куда деть взгляд.

— Элоиза! — раздался резкий голос мадам Генриетты. Элоиза вздрогнула, как от удара. — Если ты закончила — можешь идти. Камиль сейчас не нуждается в твоей помощи.

Элоиза молча поклонилась — сначала мадам, затем месье — и, не позволяя себе смотреть на Габриэля, вышла тихим шагом, стараясь не шуметь даже подолом платья. Габриэль остался стоять, глядя на дверь, за которой скрылась юная гувернантка. Его губы тронула еле заметная улыбка — будто он запомнил что-то важное. Только спустя несколько секунд он вернулся к семье. — Кто она? — наконец спросил Габриэль, опускаясь в кресло. Он говорил ровно, но в голосе скользнул лёгкий интерес. Его взгляд всё ещё был направлен на дверь, за которой исчезла Элоиза.

Генриетта даже не повернула головы. Сложив тонкие пальцы на коленях, она ответила ровно, почти холодно:

— Новая гувернантка Камиль. Девушка без имени, без происхождения и каких-либо связей. Пустое место. Камиль резко подняла голову: — Мама, прошу вас, не говорите так об Элоизе! — в её голосе звучала и обида, и решимость. — Она добрая. И умная. Она не заслу-

живает таких слов. Габриэль перевёл взгляд на сестру, удивлённо приподняв брови, а затем, чуть мягче:

— Просто... она совсем не похожа на гувернантку. Ни взглядом, ни осанкой, ни тем, как держится.

Генриетта вздохнула и откинулась на спинку дивана, словно устала говорить об этом: — Она из монастыря. Нам пришлось взять кого-то строгого, чтобы хоть кто-то сумел повлиять на твою сестру. Если бы и она не справилась — Камиль отправили бы в пансион для упрямых девиц. Но, к счастью, эта... монашка показала себя вполне сносно. Она сделала короткую паузу, её взгляд стал резким, почти режущим. — А теперь о главном, сын. Пока ты мечтаешь и разъезжаешь по городам, твой отец болен. И никто не знает, сколько ему осталось. Тебе пора жениться и заняться семейным делом. В гостиной повисла глухая тишина. Даже часы на стене будто замолчали. Габриэль слегка наклонил голову, его лицо оставалось спокойным, но пальцы крепко сжали подлокотник кресла.

— Семейное дело? — негромко повторил он, и уголок губ дёрнулся в едва заметной усмешке. — А если я не хочу? Генриетта взглянула на него так, словно он произнёс кощунство.

— Ты не ребёнок, Габриэль. У тебя нет выбора. Мы уже нашли тебе подходящую партию — Селин де Фонтан. Благородная, воспитанная, умна. Её отец министр. Если объединиться — это даст нам стабильность, будущее. Ты понимаешь? Не смей быть эгоистом. Ты с детства знал — однажды возьмёшь дело отца. Габриэль молчал. Несколько секунд. Его глаза скользнули от матери к отцу — бледному, усталому, чьи руки беспокойно лежали на трости. Внутри него всё сжалось: долг, злость, ощущение ловушки.

— Я вас понял, — тихо, но глухо произнёс он. Он резко поднялся как мог, с правой ноги. Кресло скрипнул о паркет. Без лишних слов он направился хромая к двери и вышел из гостиной быстрым шагом. Дверь мягко захлопнулась, оставив после себя напряжённое, звенящее молчание. Никто не осмелился что-то сказать. Только Камиль, сидя прямо, смотрела на дверь с тревогой — и с болью.

Элоиза стояла у окна комнаты Камиль. За стеклом переливалось мягкое летнее солнце, а деревья медленно покачивались от лёгкого, почти ласкового ветерка. Воздух в комнате был наполнен запахом бумаги, чернил и душистой лаванды, которую служанки развесили сушиться у стены. Камиль сидела за письменным столом — локти аккуратно прижаты к телу, губы слегка поджаты, как всегда, когда она глубоко сосредоточена. Перо тихо поскрипывало, оставляя тонкие строки на бумаге. Элоиза подошла ближе, стараясь не нарушить тишину и лишь украдкой заглянула через плечо девочки. То, что она прочла, заставило её на мгновение задержать дыхание.

«Если бы я могла, я бы защитила брата от судьбы, которую за него решают другие. Я бы защитила мадемуазель Элоизу — от холодных взглядов учителей, от надменности гостей, от маминого холода. Ведь почему самые добрые люди должны страдать из-за тех, кто слишком горд, чтобы заметить чужую боль?»

Слова были неровные, буквы кое-где дрожали — но в каждой строчке была правда, неприкрытая, живая. Элоиза почувствовала, как в груди сжалось — не от гордости только, но и от боли. Как могла такая маленькая девочка... так понимать? Неужели строгость мадам Генриетты и тень одиночества в этом доме вынудили ребёнка повзрослеть слишком рано? Она узнала себя в этих словах — как когда-то сама, ещё ребёнком, пыталась защитить тех, кого любила, и молчала, когда боль становилась невыносимой. Тишину нарушил лёгкий, но отчётливый стук в дверь.

Камиль подняла голову и озадаченно посмотрела на Элоизу — в это время их никогда не тревожили. Элоиза глубоко вдохнула, выровняла голос и сказала: — Войдите. Дверь тихо открылась, и в комнату вошёл Габриэль. Солнечный свет подчеркнул его фигуру — высокий,

расслабленный, с мягкой улыбкой на губах. Камиль радостно расправила плечи. — Габриэль! — глаза её засияли. Элоиза поднялась, сделала лёгкий реверанс: — Месье... чем могу быть полезна? У мадемуазель идёт урок... Она ощутила, как сердце сделало странный, лишний удар. Перед глазами — быстрый образ: он, опустившийся на колено рядом с ней, собирает то, что выпало из её корзины... его внимательный взгляд, тёплый, слишком личный. — Я знаю, мадемуазель Элоиза, — мягко сказал он. — Просто решил увидеть, как учится сестрица... и, возможно, вдохновиться для новой картины.

Он говорил легко, почти шутливо, — а Элоиза, не зная куда деть руки, прикусила нижнюю губу. — Если желаете, месье, можете присесть... чтобы не мешать. Она указала на кресло в углу комнаты. Габриэль кивнул и сел, скрестив руки. Он молчал, но присутствие его ощущалось остро, как жар, от которого невозможно укрыться даже под тканью корнетта и скромного сарафана. Элоиза пересела ближе к Камиль — но ощущение чужого взгляда не исчезло. Её сердце билось не от страха — от чего-то иного, нового, пугающего. — Я закончила, — тихо сказала Камиль, отложив перо.

Элоиза взяла письмо, аккуратно сложила его. — Прекрасно, мадемуазель. Сегодня вечером я прочту и завтра скажу вам своё мнение. Сейчас у нас перерыв... чем бы вы хотели заняться? Может, снова прогуляемся в саду? Камиль посмотрела на брата, потом на Элоизу: — А можно... чтобы брат пошёл с нами? Если он не занят.

Элоиза чуть заметно удивилась, но позволила себе мягкую улыбку.

— Как вы пожелаете. Габриэль легко пожал плечами: — Я должен был вернуться к отцу, но... думаю, он простит мне несколько минут. Элоиза помогла Камиль надеть светлую шляпку, взяла корзину с пледом, и они вышли. Камиль и Габриэль шли впереди — девочка оживлённо расспрашивала: — А как была жизнь во Флоренции? Ты правда писал картины с рассветом? И правда встречал художников с юга? Габриэль отвечал тепло, смеясь, рассказывая о мастерских, запахе красок, итальянском солнце. Иногда — будто случайно — он оборачивался. Его взгляд встречался с глазами Элоизы. Она опускала взгляд... но тепло в груди не исчезало. Они устроились под старой яблоней — той самой, где Камиль и Элоиза часто читали книги или плели венки. Из-за полуденного солнца воздух дрожал над травой, тонкая тень дерева не спасала от жара, и сладкий аромат яблок смешивался с запахом сухой травы. Где-то жужжали пчёлы, лениво перелетая между цветами. Камиль, как всегда, заговорила первой и тут же втянула брата в разговор. Элоиза, немного отстранившись, села на край пледа, достала из корзинки свой потрёпанный блокнот в кожаном переплёте и, пригладив пальцами уголок страницы, принялась писать. Чернила блестели на солнце, а рука с лёгкой выводила строчку за строчкой:

«Сердце бьётся быстрее, когда месье рядом. Господи, что это со мной? Это чувство мне совершенно незнакомо... неправильно ли оно? Порой я забываю, как дышать, когда он рядом.»

Она была так сосредоточена на своих мыслях, что не заметила, как Камиль, увлечённая жёлтыми маргаритками на лугу, вскочила и убежала собирать цветы. Остались лишь она и Габриэль. Тишина между ними была живой — наполненной солнечным теплом и шорохом листвы. Габриэль наблюдал. За тем, как кончик пера касался бумаги, как на её виске выбилась из корнетта прядь волос и блестела в лучах. Простое платье, светлый корнетт — и всё же в её облике было что-то... почти возвышенное. — Я слышал, вы из монастыря, — тихо сказал он.

Элоиза вздрогнула и подняла на него взгляд. Чернила на перо легли неровно — тонкая капля упала на страницу. Она прочистила горло, пытаясь казаться уверенной, хотя голос всё же предательски дрогнул:

— Да, месье... это правда.

Он чуть наклонил голову,

рассматривая её внимательно, но не грубо — скорее с искренним интересом. — Я видел многих монашек — они носят строгие чёрно-белые одежды. А вы... то в розовых, то в голубых платьях. Элоиза несмело улыбнулась, опустив глаза:

— Мне ближе светлые цвета, чем суровое чёрное. Но я и не монахиня... Я просто выросла там. Я не давала обета. Я... свободна. — Вам идут пастельные оттенки, — мягко заметил он. Она кивнула, благодарно, но не смотрела ему в лицо. Её взгляд сам собой скользнул к Камиль — та кружилась среди цветов, ловя бабочку ладонями.

— Она вас любит, — вдруг сказал Габриэль.

— И я её, — спокойно ответила Элоиза. — За эти месяцы она стала мне как младшая сестра. Она... и Мари. Без них это место было бы чужим.

— Вы очень откровенны, мадемуазель, — тихо произнёс он, будто удивляясь.

— Возможно. Но Камиль много рассказывала о вас, — сказала Элоиза, и уголки её губ слегка поднялись. Габриэль усмехнулся:

— О, надеюсь, не слишком много глупостей?

— Нисколько. Она умна. Просто... — она замялась.

— Просто? — переспросил он мягко.

Элоиза вдохнула, словно решаясь.

— Ей не хватает... тепла. Материнской любви. Ещё она часто спрашивает меня о Боге. Буквально вчера, она спросила меня почему Господь забирает тех кого она любит. Как иронично получилось, что несколько минут спустя она узнает что вы вернулись. Габриэль молчал. Он смотрел на Элоизу, и в его взгляде не было ни насмешки, ни холодной оценки — только неподдельное внимание. Он видел, как в её голосе звучит искренность, как в глазах отражается нежность, без тени обвинения или горечи.

— Простите, месье... — вдруг тихо произнесла Элоиза, перебарывая нерешительность. — Но... я заметила, что вы немного хромаете. Это случилось во время вашей поездки в Италию?.. — Она тут же смутилась, словно испугавшись собственных слов. — Понимаю, это может быть слишком личным. Вы не обязаны отвечать. Прошу, простите меня за бестактность. Габриэль на секунду будто выпал из своих мыслей, затем уголки его губ дрогнули, и он легко рассмеялся — не насмешливо, а тепло. — Нет, вовсе не обидно. Это не итальянская история и даже не романтическая рана, как, возможно, вам хотелось бы подумать, — сказал он с лёгкой иронией. — Это... старая история. Ещё в детстве я свалился с лестницы на чердаке. Тогда никто не подумал, что всё так серьёзно. Но, видимо, повредил бедро. С тех пор и хромаю — левая сторона. Элоиза неожиданно прикрыла губы ладонью, словно от внезапного сожаления. — Простите... Наверное, вам тяжело помнить об этом.

— Что вы, — мягко ответил он. — Это хромота каждый день мне напоминает, так что забыть всё равно не вышло бы. Но я привык. Научился обходиться без жалости к себе. Иногда даже кажется... она делает меня более внимательным к шагам, которые я делаю в жизни.

Элоиза опустила взгляд, задумавшись. Её ресницы дрогнули, а на лице появилась та едва заметная печаль, которую он уже успел узнать. Она кивнула — чуть, почти незаметно — и тихо сказала:

— Понимаю.

Порыв ветра тронул край её корнетта, по саду пробежала тень облака. На мгновение казалось, что между ними установилась тишина не из неловкости, а как будто оба знали — слова лишние. Элоиза снова перевела взгляд на Камиль — та, бегала по траве с охапкой ромашек, беззаботная, как лучик солнечного утра. На лице Элоизы появилось мягкое, почти материнское выражение. Габриэль ненадолго задержал взгляд на лице Элоизы — спокойном, но тревожно-собранным, словно каждую секунду она держала себя в рамках, боясь позволить сердцу выйти за границы приличий.

— А вы, мадемуазель Элоиза... — вдруг мягко произнёс он. — Вы ведь тоже многое повидали, прежде чем оказались здесь? Элоиза словно вздрогнула внутренне, но внешне её лицо осталось почти безмятежным. Она на миг задержала дыхание, пальцами чуть сильнее сжала свой блокнот. — Моя история... не так интересна, как ваши путешествия, месье, —

ответила она с легкой улыбкой, в которой было больше защиты, чем радости. — Я выросла в монастыре. Там — тишина, молитвы, холодные стены. И книги. Я не жалею. Просто... так сложилось.

Габриэль не сводил с неё взгляда — не дерзкого, не оценивающего, а скорее внимательного, словно он пытался рассмотреть не только её черты, но и мысли за ними.

— Значит, монастырь был вашим домом? — спросил он тихо. Элоиза чуть опустила ресницы. — Да, домом....— повторила она едва слышно. — Но и местом, где меня научили сдерживать слова, скрывать чувства и всегда оставаться благодарной. Даже когда... больно.

Она осеклась, будто испугавшись, что сказала лишнее. Но Габриэль ничего не сказал — только кивнул, и в его глазах мелькнуло странное тепло, глубокое понимание. — Простите, — добавила она поспешно, поднимая взгляд. — Я не хотела... жаловаться.

— Но вы и не жаловались, — мягко ответил он. — Вы просто... говорили правду. Между ними снова повисла тишина — но на этот раз она была иной. Живой. Той, в которой можно услышать собственное сердце. На траве послышался лёгкий смех — Камиль бегала за бабочкой, прижимая к груди цветы. Элоиза с облегчением перевела взгляд на девочку — как будто возвращаясь туда, где было проще дышать.

Габриэль тоже посмотрел на сестру, и его голос стал тише, почти задумчивым: — Она рядом с вами стала... другой. Спокойнее. Теплее. Я не видел её такой.

Элоиза слегка улыбнулась — но в этой улыбке была и грусть. — Я лишь стараюсь быть тем... кого сама когда-то ждала рядом. Эти слова повисли в воздухе, словно прозрачная нить между ними — тонкая, но крепкая.

В этот момент листья яблони шевельнулись от лёгкого ветра, и откуда-то издалека донёсся колокольный звон — будто мир тоже на мгновение замер, слушая их.

Габриэль медленно вдохнул, хотел что-то сказать — может, поблагодарить, может... попросить разрешения снова заглянуть в её тишину — но вдруг к ним подбежала Камиль: — Посмотрите! — радостно выкрикнула она, держа в ладонях маленького зелёного жука. — Он будто изумруд! Элоиза мягко рассмеялась, спрятав смущение. Габриэль невольно улыбнулся — но его взгляд ещё мгновение задержался на лице Элоизы... таким, от которого сердце снова дрогнуло.

Вечером, когда Элоиза наконец вернулась в свои покои, окно в комнате было чуть приоткрыто, и тёплый воздух летнего вечера проникал внутрь, заставляя занавески мягко колыхаться. Небо за окном ещё не успело потемнеть окончательно — на горизонте тлел розовато-золотой свет заката. В комнате пахло сухими травами и бумагой. Она зажгла лампу на письменном столе — пламя дрогнуло, отбрасывая на стены мягкие тени. С тихим выдохом сняла корнетт, аккуратно положила его на сундук у кровати, а затем распустила тугой узел каштановых волос. Пряди свободно упали ей на плечи, кожа на затылке ощутила долгожданную свободу. После прогулки Габриэль, как и обещал, ушёл к отцу, а Элоиза вместе с Камиль вернулась к делам — урок фортепиано, проверка домашнего задания. И вот теперь — тишина. Она села за стол, раскрыла бежевую папку и достала письмо Камиль. Руководящая рука привычно легла на край бумаги. Каждый раз, читая слова юной мадемуазель, Элоиза словно проживала написанное вместе с ней — радость, сомнения, страхи. Она бережно исправила пару грамматических ошибок, аккуратно, чтобы не задеть саму душу письма, и отложила лист. Затем быстро составила список дел на завтра, перелистнула блокнот — и замерла с пером в руке. Мысли не желали укладываться. Внутри всё билось, путалось, словно сердце пыталось вырваться на свободу.

«Почему же оно так неистово стучало, когда он стоял рядом? Это неправильно... Я должна быть примером для Камиль. Спокойствие, рассудок, вера... Но, Господи... разве это чувства — грех, если в ней нет ни дурной мысли, ни тени желания причинить боль?»

Она остановилась. Перо дрогнуло в пальцах. Перед глазами — его лицо. Как он, не задумываясь, помог, когда она выронила вещи из корзины; как протянул их с теплом в глазах, без высокомерия, без насмешки, как это часто делали другие. Его голос в саду — мягкий, уверенный. Взгляд — прямой, будто видит в ней не гувернантку, не компаньонку, а человека. Неужели это — любовь с первого взгляда? Такие чувства она знала лишь по книгам, где они казались чем-то далёким, почти сказочным. Элоиза тихо закрыла блокнот. Встала. Опустилась на колени посреди комнаты, сложив руки на груди. Лёгкий ветерок скользнул по коже и заставил плечи дрогнуть.

— Если это испытание, Господи — дай мне силы пройти его с достоинством. Если это чувство — грех, то за что оно так похоже на свет? Я боюсь... боюсь, что однажды не смогу скрывать, как он потревожил мою душу. Она сидела так ещё несколько минут, в тишине. Ветер ласково касался её волос, и холодок пробежал по коже. Вдруг лампа слегка дрогнула — пламя мигнуло и погасло. Комната погрузилась в темноту, но лунный свет мягко пролился через окно, осветив её склонённое лицо, ресницы, дрожащие губы. Где-то снаружи шевельнулись ветви яблони. Тот же лунный свет ложился серебром на плечи Габриэля. Он стоял на своём балконе, опершись рукой о перила. В пальцах тлела тонкая сигарета. Никотиновый дым медленно растворялся в ночном воздухе.

Женись. Управляй. Забудь.

Слова матери звенели в голове. Ему снова пытались очертить рамки, в которые он уже однажды не вписался. Семейное дело, виноградники, ответственность. Болезнь отца, ожидания семьи.

Если я откажусь, стану ли я эгоистом? Или просто человеком, который хочет жить иначе?

Он втянул дым ещё раз, глубоко. Потом — улыбнулся сам себе, устало, но свободно. Потому что за последние два дня — впервые за много лет — он почувствовал, что жив.

Эта женщина... Элоиза. В её взгляде нет ни притворства, ни расчёта. Она живёт сердцем. А я... я столько лет жил так, как от меня ждали.

Он раздавил сигарету о холодный камень перил, развернулся и вошёл обратно в комнату. Открыл сундук, достал чистый холст и ящик с кистями. Молчание наполнилось запахом краски и льняного масла.

Он сел, долго смотрел на пустой холст. И рука сама собой начала выводить тонкую линию — изгиб её шеи, лёгкую волну волос.

Что же выйдет, если я попробую нарисовать её?

Глава 5

— Ты слышала? — Мари негромко нарушила утреннюю тишину, ставя на деревянный стол корзину с ещё тёплыми круассанами. От них поднимался легкий аромат сливочного масла и ванили. Элоиза только что проснулась и, как обычно, тихо спустилась на кухню — сюда, где не звучали строгие голоса мадам Генриетты, где пахло хлебом, ромашковым чаем и жареными яблоками с корицей. В этом уютном уголке она всегда чувствовала себя немного свободнее. Элоиза, держа ладони вокруг кружки, вопросительно посмотрела на Мари. Та уже уселась рядом, легонько поправляя выбившуюся прядь волос и сияя какой-то сдержанной радостью.

— Что я должна была услышать? — мягко спросила Элоиза. Мари наклонилась поближе, как будто делилась тайной:

— Сегодня всем прислугам дали выходной! Представляешь? Месье Огюст решил, что раз Габриэль вернулся домой, то стоит дать людям немного отдыха. Видимо... семья будет обсуждать важные дела. Они всегда так делали, когда происходило что-то значительное.

Элоиза удивлённо моргнула — она не была привыкшая к подобным сюрпризам.

— Нет, я не слышала... но спасибо, что сказала. — Она тепло улыбнулась. — Как хорошо, что у меня есть подруга, которая знает всё, что происходит в этом доме.

— Ах, брось! — засмеялась Мари, разливая чай по чашкам. — Просто уши у меня — как у лесной мыши. На кухню ведь все приходят жаловаться, сплетничать... мадам сюда почти не заглядывает.

Мари сделала большой глоток чая, потом прищурила глаза и нехитро спросила:

— Кстати... как тебе месье Габриэль? Я слышала, он с вами в сад ходил. Говорят, даже сидел рядом, пока Камиль писала.

Рука Элоизы с ложкой замерла в воздухе. Сердце непонятно почему содрогнулось и стало биться быстрее, будто кто-то вдруг открыл окно прямо в её грудь. Она опустила взгляд, чтобы скрыть зарозовевшие щёки.

— Да... так и было, — тихо ответила она, — он был очень внимателен.

Мари медленно подняла брови.

— Так-так... и почему ты так покраснела? Что-то случилось в саду?

— Что? Нет! — слишком быстро, почти испуганно сказала Элоиза. — Ничего не случилось. Просто... он оказался добрее, чем я могла себе представить. В его словах нет гордыни. И... он никому не желает зла.

Мари хитро улыбнулась, опираясь локтём о стол:

— Продолжай. Мне нравится это "ни-ни"...

Элоиза замахала руками:

— Нет, Мари! Это не то, что ты думаешь! Просто... он действительно кажется хорошим человеком. Чистым... — она едва слышно добавила, — почти светлым.

Мари не выдержала и рассмеялась, касаясь её плеча:

— Я поняла, поняла. Дыши. Я тебя поддразнила. Теперь — ешь. А то круассан остынет, и это будет настоящим преступлением.

Элоиза улыбнулась в ответ, облегчённо выдохнув. Мари снова заговорила, уже более серьёзно:

— Так вот... раз у всех выходной, я подумала — поедem в город. Там сейчас ярмарка у площади Сен-Луи. Можно будет поесть мороженое, послушать музыку, купить несколько книг, покататься на лодки... А ты ведь ни разу не выходила за ворота поместья, кроме церкви.

Элоиза застыла.

— В город? Сегодня?

— Да! — решительно сказала Мари. — Отказы не принимаются. К обеду выезжаем.

После завтрака Элоиза, как всегда собранная и спокойная, направилась в комнату Камиль. Солнечные лучи мягко ложились на пол у широкого окна, а девочка, сидя у туалетного столика, расправляла ленты на волосах.

— Сегодня занятий не будет, мадемуазель, — произнесла Элоиза. — Месье Огюст велел всем дать выходной. Я уезжаю с Мари в город.

Камиль подняла взгляд, и в её глазах мелькнуло лёгкое сожаление, но быстро сменилось надеждой:

— Мадемуазель Элоиза, когда вы вернётесь... вы могли бы помочь мне с вышивкой? Я видела, как вы делаете это в саду. И тоже хочу научиться.

Элоиза нежно улыбнулась:

— Конечно, мадемуазель Камиль. Обещаю — как только я вернусь, сразу приду к вам.

Попрощавшись, она вышла и отправилась к себе. В комнате было прохладно; лёгкий ветер колыхал занавески, наполняя пространство запахом липового цвета и свежести утра. Элоиза сняла свой простой голубой сарафан и достала единственное своё «праздничное» платье — пастельно-жёлтое, с высоким горлом, длинными рукавами и тонким кружевом по подолу. Корсет, туго затянутый, подчёркивал тонкую талию.

Она аккуратно надела светлый корнетт, поправила выбившиеся прядки волос, и натянула белые перчатки — единственную изящную вещь, доставшуюся ей ещё в монастыре. Подойдя к зеркалу, она замерла. Казалось, перед ней стояла не скромная гувернантка, а молодая леди — немного застенчивая, но светлая. Тепло и тревожно одновременно кольнуло в груди. Чтобы унять дрожь в пальцах, она села к письменному столу, раскрыла свой блокнот и быстро вывела строки:

«Сегодня я впервые поеду за пределы поместья. Моё сердце радуется — и тревожится. Камиль хочет учиться вышивке... она доверяет мне. Господи, даруй мне мудрость не подвести её.»

Затем она встала на колени на полу, склонила голову и прошептала:

— Если на то воля твоя, Господи, храни нас сегодня. Укрепи меня — и удержи от гордыни.

Когда прозвенели колокола, она поняла — Мари уже ждёт у входа. Элоиза поднялась, бросила взгляд на аккуратно застеленную кровать, закрыла блокнот и вышла из комнаты. Она едва сделала несколько шагов по коридору, как из-за поворота появился Габриэль. Он шёл, слегка прихрамывая, взгляд был опущен, на лице — задумчивая усталость. Белая рубашка с расстёгнутым воротом, тёмные брюки, на шее — небрежно повязанный шелковый шарф. В руке — кожаная папка, вероятно с рисунками, либо какими то документами. Когда он поднял глаза, тень, лежавшая на его лице, мгновенно рассеялась. Взгляд стал мягче, светлее.

— Доброго дня, мадемуазель Элоиза, — произнёс он, чуть задержав взгляд на её платье. — Должен признать, вы сегодня... особенно прекрасны. Вы отправляетесь куда-нибудь?

Элоиза сделала лёгкий поклон, ощущая, как кровь приливает к щекам:

— Благодарю, месье. Да, я еду с Мари в город.

— Вы волнуетесь? — спросил он тихо, изучая её лицо.

— Немного, — призналась она. — В городе много людей, суеты... к этому трудно привыкнуть.

Габриэль слегка нахмурился:

— Но вы ведь жили среди людей в монастыре?

Элоиза опустила глаза:

— В монастыре — другие люди. Там сердце учат смирению. А вне его... люди бывают завистливы, грубы. И всё же, страх — не повод прятаться. Мы ведь под защитой Бога.

На мгновение повисла тишина. Их взгляды встретились — и дрогнули. Элоиза первой отвела взгляд.

— Тогда я желаю вам доброй дороги, — мягко сказал он. — Берегите себя. В городе легко потеряться — и в толпе, и в мыслях.

Он чуть поднял руку — будто хотел коснуться её плеча — но сразу опустил. После этого пошёл дальше по коридору, к своей комнате.

— Благодарю, месье, — едва слышно сказала Элоиза ему вслед, чувствуя, как сердце снова забилося слишком быстро. Габриэль толкнул дверь плечом, даже не дождавшись, пока она полностью откроется, и вошёл внутрь. Папка, которую он всё это время держал в руке, выскользнула и со стуком упала на паркет. Документы — счета винодельни, договоры поставок, письма от отца — рассыпались веером, словно растревоженные птицы. Но он даже не наклонился, чтобы их собрать. Всё это вдруг показалось бесконечно далёким, ненужным, чужим. Он прошёл несколько шагов и опустился на край кровати, чувствуя, как тяжелеет дыхание. В груди и животе расплывалось странное тепло — трепетное, беспокойное, почти болезненное. Оно пульсировало в висках, мешало думать. Её лицо... её голос... почему именно сейчас?

Словно боясь утонуть в собственных мыслях, он резко поднялся и подошёл к окну. Лёгкий утренний свет заливал комнату, и через стекло открывался вид на внутренний двор поместья. Ниже, у кареты, шла Элоиза. Ветер трепал ткань её корнетта, край платья мягко касался земли. Рядом суежилась девушка — должно быть, та самая Мари, о которой она упоминала. Но Габриэль почти не замечал её присутствия. Всё внимание, всё внутри тянулось лишь к одной фигуре. Элоиза в пастельно-жёлтом платье казалась не частью этого двора, а лучом солнца, спустившимся среди серого камня, среди усталых стен, хранящих чужие тайны и обиды. Как она может быть такой? — подумал он, не отрывая взгляда. — Такой чистой... такой открыто верящей...

Она говорила о Боге, о смирении — и делала это без притворства, без тени высокомерия или фанатизма. В её словах была простота, а в глазах — тишина, которая настораживала и в то же время притягивала. Он знал людей — слишком хорошо, чтобы верить в искренность, в бескорыстие, в любовь. За годы он научился видеть грязь под шелком, фальшь в улыбках, холод за словами. Но рядом с ней... весь этот опыт казался бесполезным. Будто она жила в другом мире — где люди ещё способны на свет. Он вспоминал, как их взгляды встретились в коридоре. Карие глаза, мягкие, внимательные, полные какого-то тихого удивления и нежности... Тогда в нём что-то дрогнуло — будто от лёгкого прикосновения. Это чувство было опасным. Но правильным. Она слишком юна. Слишком чиста. Она не должна видеть того мрака, что идёт за мной. Колёса кареты скрипнули, лошади дернули упряжь. Габриэль упёрся рукой в подоконник, пальцы сжались до побелевших костяшек. Карета медленно тронулась. Элоиза, чуть наклонив голову, поправила перчатку и, не оборачиваясь, села внутрь. И в этот миг ему показалось, будто что-то уходит из его жизни. Лёгкое, ускользающее, непринадлежащее ему — и оттого ещё более желанное. Он всё ещё стоял у окна, пока жёлтое платье не скрылось за воротами. И тишина комнаты вновь стала оглушающей.

Город жил — бурлил, дышал, словно огромное сердце. Узкие улочки звенели голосами: где-то смеялись дети, где-то спорили торговцы, скрипели колёса карет, скользящих по камню. В воздухе смешивались запахи — тёплой выпечки, жареных каштанов, мыла и духов. Всё это казалось Элоизе почти сказкой — слишком яркой, слишком настоящей после тишины поместья. Мари уверенно шла впереди, крепко держа Элоизу под руку, словно боялась, что та потеряется среди шума и красок.

— Первым делом — мороженое. Иначе мы просто растаем, — весело сказала она, указывая на лавку с разноцветным навесом.

— Какое твоё любимое мороженое? — спросила Мари как ни в чём не бывало. Элоиза опустила взгляд:

— Прости... я ела его только однажды в жизни. Мне было семь. — голос её стал мягким, будто дотронулся до старой раны. Мари удивлённо остановилась:

— Ты ведь сейчас не шутишь?

Элоиза тихо покачала головой.

— Тогда не волнуйся, — улыбнулась Мари и подмигнула. — Я выберу за тебя. Обещаю, тебе понравится. У прилавка продавец ловко накручивал нежные завитки сливочного крема в вафельные рожки. Мари взяла два, один — протянула Элоизе. Она осторожно лизнула и... замерла. Глаза её округлились, будто она впервые услышала музыку.

— Ну? — спросила Мари, с трудом сдерживая улыбку.

— Это... необыкновенно вкусно, — прошептала Элоиза, и на лице её расцвела детская, беззащитная улыбка.

— Я же говорила, — засмеялась Мари. — Пойдём, сядем у фонтана.

Они устроились на старой каменной лавке, рядом с фонтаном, в котором солнечные блики танцевали на воде. Капли разлетались в воздухе, ласково касаясь кожи. Элоиза ела медленно, будто боялась, что это наслаждение закончится слишком быстро. Они разговаривали — легко, без напряжения. Элоиза рассказывала о Камиль: как та старается, как искренне радуется каждому успеху, как стала ей почти сестрой. Мари вспоминала младшего брата — как он гоняется за курами, как притворяется взрослым, когда приносит матери свои первые заработанные монеты. Время текло незаметно. Они добрались до самого центра Сент-Луи. Там играли уличные музыканты, пара юношей танцевала, кружась, будто ветер. Мари схватила Элоизу за руки:

— Давай! — и потянула в круг.

Элоиза сначала растерялась, но музыка была слишком живой. Тело само подхватило лёгкий ритм, и вскоре она смеялась вместе со всеми, в волосах, выглядывающий из под корнетта запутался солнечный луч, а на щеках пылал румянец. Позже они зашли в крошечный книжный магазин, пахнувший бумагой и чернилами. Элоиза долго водила пальцами по корешкам и выбрала роман — о далёких странах и любви, от которой сердце замирает. В другой лавке она остановилась у полки с детскими шляпками и бережно взяла светло-розовую — тонкая ткань, кружево, маленькие цветы по краю. Она сразу представила, как Камиль, смеясь, наденет её и побежит к цветам.

— Возьми, — сказала Мари. — Ей понравится.

Шагая по солнечному переулку, Элоиза вдруг остановилась. За стеклом витрины лежал аккуратный набор мелков — нежные, пастельные, всех цветов неба и земли. Она невольно замерла. Перед глазами всплыл образ: Габриэль, сидящий у окна, кисть в руке, сосредоточенный взгляд.

— Ты рисуешь? — удивилась Мари, вернувшись к ней.

— Нет... — мягко ответила Элоиза. — Но знаю того, кто рисует. И... хотела бы сделать подарок.

Мари усмехнулась и подтолкнула её:

— Тогда не раздумывай. Пошли.

Они купили мелки. Ещё немного прошлись, купили сладкие пироги, и когда солнце стало склоняться, вернулись к ждущей их карете.

Когда Элоиза и Мари вернулись, уже опустилась ночь. Коридоры поместья были почти пустыми, тихими, лишь слабый скрип досок под ногами нарушал тишину. Девушки разошлись по разным направлениям, и Элоиза направилась в свою комнату. По пути она решила заглянуть к Камиль, но приоткрытая дверь выдала только темноту — вероятно, девочка уже сладко спала, погрузившись в мир своих детских снов. Элоиза тихо улыбнулась про себя и, не желая тревожить её, продолжила путь в свои покои.

С облегчением она положила пакет с покупками на стол и с тихим вздохом сняла с себя корсет, платье и корнетт, переодевшись в удобную сорочку. Теплый летний ветер проникал

через слегка приоткрытое окно, играя прядями её распущенных каштановых волос. Она зажгла лампу на столе, её мягкий свет окутал комнату уютной теплой аурой. Она помолилась, и её голова мягко опустилась на подушку. Комната наполнилась тишиной — той особой, ночной, в которой дыхание становится едва слышным, а мысли всплывают одна за другой, словно огоньки на тёмной воде.

Элоиза закрыла глаза и вспомнила Мари — их смех, лёгкое кружение в танце, аромат сладкого мороженого, которое таяло в жаркий день и липло к пальцам. Эти воспоминания были как маленькое чудо, светлое и хрупкое, — самое прекрасное, что осталось у неё после потери родителей. Они согревали, как лампа в пустой комнате, и с этой теплотой в сердце Элоиза постепенно погрузилась в сон. Утро пришло тихо, как всегда. Элоиза, привычным движением расправив покрывало, пошла будить Камиль. Девочка потянулась, сонно улыбнулась — и начался их обычный день.

После завтрака — урок письма, где Камиль упрямо выводила буквы, потом — упражнения на фортепиано: звуки немного фальшивили, но в этом было столько живости и старания, что Элоиза не могла не улыбаться. Затем чтение книг, и, наконец, прогулка в саду — любимая часть дня. Солнечные лучи скользили по траве, воздух пах яблонями. Когда они шли по знакомой тропе к старому дереву, Элоиза вдруг заметила чьё-то плечо за листвой. Камиль первой вскрикнула:

— Смотрите! Там кто-то сидит!

Подойдя ближе, они увидели Габриэля. Он был сосредоточен, чертил что-то углём в небольшом блокноте.

— Габриэль? — удивлённо произнесла Камиль. Юноша вздрогнул, поспешно закрыл блокнот и, словно скрывая растерянность, расправил плечи. Его лицо на мгновение застыло, но потом осветилось мягкой улыбкой.

— О, вижу, вы снова вышли на прогулку, — сказал он, чуть приподняв шляпу.

— Здравствуйте, месье, — Элоиза слегка склонила голову.

Габриэль кивнул, указывая рукой на расстеленный у него плед.

— Присаживайтесь, мадемуазель. И ты тоже, Камиль.

Они устроились рядом — Камиль тут же начала оживлённо вертеться, показывая новую шляпку.

— Камиль, что это за очаровательная шляпка у тебя? — спросил Габриэль с искренним интересом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.